

СМЕНА

Иванов

7

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Апрельская даль ясна,
И солнце все ярче сияет.
По рекам идет весна,
Тяжелые льдины ломают.
Еще на просторах полей
Сверкают снега за рекою,
Прикрывшись от жарких лучей
Защитною белкою.
Но видно, снегам — отступать,
Не выдержив поединка, —
Недаром и пролетам моста
Спят горюливые льдинки..
Все ясвенней голос ручья,
Пестрее и ярче закаты,
Как будто зоря горяча
Рисует на небе плакаты!
Вот-вот и проглянут из лочек листья,
Проснулась и дышит природа..
И хочется это начало весны
Считать за начало года!

Андрей ДОСТАЛЬ

На первой странице обложки: фрагмент картины Н. Кузнецова «В далекий путь».
На четвертой странице обложки: «Нартивная записочка». Фото И. Козловского.

Призыв Всемирного Совета Мира — остановить подготовку к атомной войне, уничтожить все запасы атомного оружия и немедленно прекратить его производство — встретила горячую поддержку всего советского народа. Ставя свои подписи под Обращением, советская молодежь выражает готовность еще настойчивее и самоотверженнее трудиться над превращением в жизнь величественного плана строитель-

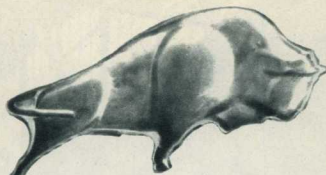
ства коммунизма в нашей стране. На снимке: в одном из цехов Московского трансформаторного завода имени В. В. Куйбышева молодые производственники подписывают Обращение Всемирного Совета Мира. Слева направо: Людмила Орлова, Федор Буланов, Мария Королёва, Анатолий Карасев, Федор Туганов и Владимир Добровольский. Фото А. Моклецова.

Пролетария всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Апрель. № 7. 1955 год.

Год
издания
32-й.

С МАРКОЙ «МАЗ»

2. На заводе очень много молодежи. Это заметишь сразу, стоит только побывать в цехах. Юноши и девушки приехали в Минск из разных городов и деревень. Здесь овладевают они новыми специальностями. Непривычно бывает на первых порах: как будто руки перестали быть твоими, самый простой инструмент не знаешь, как взять. Но кругом друзья. Помощь приходит в любую минуту. И вот появилась сноровка, уверенность, ловкость.

Цехи завода оснащены замечательным отечественным оборудованием. Работа здесь требует больших знаний и опыта.

Почти каждый человек на заводе повышает свою квалификацию. Учения начинаются у станка, затем переносится в техническое каби-

неты, организованные при цехах. Там всегда можно подробно ознакомиться с устройством узлов, с конструкцией автомобилей разных марок. Тысячи рабочих занимаются на курсах, в школах рабочей молодежи, вечернем техникуме, заочном институте.

На снимке слева: контролер цеха сборки комсомолка Нада Заяц. Девушка пришла на завод недавно, после окончания десятилетки, но она уже порадовала товарищей своими первыми успехами — освоила специальность.

На снимке внизу: начальник цеха сборки и испытания автомобилей комсомолец Николай Балота проводит в техническом кабинете беседу с молодыми рабочими.

1. Побывайте на любой стройке — сталинградской, кубышевской, каховской, — необычайная картина предстанет перед вами.

На фоне ясного, по-весеннему теплого неба четко видны массивные стрелы порталных кранов. Высокие ажурные мачты электропередач, разбегаясь в разные стороны, скрываются в далекой дымке. А по несмыкам многочисленных дорог, по эстакадам одна за другой движутся грузовики с ребристыми железными кузовами, загруженные землей, кирпичом, бетоном. На капоте у машин серебристый зубр — марка Минского автозавода. Строители сердечно говорят об этих большегрузных выносливых автомобилях. В дождь, в пургу, в гололедицу, днем и ночью «МАЗы» идут по своим маршрутам. Креш экскаваторов едва успевают наполнять кузова самосвалов. И всюду поминают добрым словом людей, которые построили эти машины.

Детище послевоенной пятiletки, Минский автомобильный завод очень молод. Первые самосвалы

вышли из его цехов вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Но молодость завода не только в этом: она прежде всего в людях, в творческой, нестареющей мысли конструкторов, инженеров, рабочих, в том новом, что ищут и за что бьются коллектив. Каждый новый день приносит автомобилестроителям новые успехи. Из ворот завода выходят пятитонные самосвалы, семитонные грузовые автомобили, шеститонные саморазгружающиеся прицепы, наконец, двадцатитонные самосвалы-великаны. В минувшем году автомобили с маркой «МАЗ» были представлены на многих международных выставках. Выпуск продукции за два последних года возрос больше чем в 2,5 раза. Коллектив завода включился в социалистическое соревнование за досрочное выполнение государственного плана 1955 года. Мобилизуя внутренние резервы, совершенствуя приемы и методы труда, улучшая технологию, минские автостроители вносят достойный вклад в развитие индустрии нашей страны.

3. Большой путь проходит машина, прежде чем выйти в первый рейс. Тысячи рук трудятся, создавая ее. Она зарождается в светлых залах конструкторского бюро. А потом замыслы конструкторов воплощаются в жизнь в литейном, кузнечном, механосборочных цехах и на главном конвейере.

На снимке сверху: комсомольцы старший конструктор А. Шинков, конструкторы Л. Кадолко, К. Резников, Ф. Шилвенко тщательно проверяют свои расчеты. Они знают: качество будущего «МАЗа» во многом зависит от них.

На снимке справа: главный конвейер. Иван Потапкин, работавший сборщиком, окончив без отрыва от производства вечерний автомеханический техникум. Теперь он начальник смены цеха сборки. Мы видим его рядом с бригадиром И. Шубой и установщиком блока педалей Е. Стефаненко. Быстро и точно выполняют они свою работу.

4. Радостный миг: машина готова! Длинный путь по заводу окончен. Осталось провести последнее испытание — обкатку. Все замечания испытателя внимательно выслушиваются старшим конструктором узлов А. Шинковым, все заносится в блокнот (снимок слева).

«Смотришь на эти автомобили-великаны и думаешь: сколько людской силы заменят они, прежде на стройки, в совхозы и колхозы! И еще яснее ощущаешь великий смысл указаний Коммунистической партии о первоочередном значении тяжелой индустрии — основы основ нашей экономики.»

Рисунки П. Караченцова.

Н. ВОРОНОВ

ВЕСЕННЕЙ ПОРОЙ

Рассказ

Лина запаздывала. Владимир побродил по дорожке институтского сквера, присел на скамейку. В просветах между ветвями кленов, уже выпустивших лиловые листочки, виднелась парадная лестница и стеклянная дверь, которая то и дело распахивалась, выпускала стаи студентов.

Владимир поднялся, чтобы уйти, решительно накинул на плечо ремень кирзової сумки, но в тот же момент заметил Лину. Капризно помахавая портфелем, девушка прошла через сквер и села на край скамьи.

— Где провадала?

— В читальне. Новые журналы просматривала.

— Но ведь я ждал тебя,— сказал Владимир с упреком.

— Каким-нибудь двадцать—тридцать минут. Подумаешь, вечность!

Владимир хотел возразить, но Лина махнула рукой.

Ее смуглое полное лицо побледнело. Серые глаза утратили обычное выражение ласкового лукавства, стали колкими, чужими. Владимир привык к капризам Лины, но его все-таки обидел ее резкий тон. «Как ты можешь так разговаривать с человеком, которого любишь?» — хотел сказать он, однако раздумал и неловко пошутил:

— Загадаю: кто размакивает руками, когда сердится?

Лина не улыбнулась примирительно, как он полагал, а сухо сказала:

— Оставь. Я серьезно.

Неожиданный ответ обескуражил Владимира. Лина стремительно встала и пошла к воротам по дорожке, устланной прошлогодним листом.

— Лина, милая, не уходи! Разберемся... — но тут же мысленно уругал себя за то, что на мгновение поддался ненужной слабости.

Вскоре бордовый плащ Лины исчез за решеткой ограды, и Владимир

вдруг почувствовал, что сквер окутан такой необычной тишиной, что в ней резко слышались хлопки грающих крыльев.

Владимир побрел в центр города, рассматривая витрины магазинов, читая афиши, оглядывая прохожих. Он упорно старался развлечься, но ощущение одиночества не проходило.

Недовольный собой, усталый пришел Владимир в городской сад. Дубовая аллея вывела его к беседке над самым обрывом, с которого открывался вид на заливные луга, раскинувшиеся за рекой.

Владимир и Лина часто мечтали здесь о своей будущей жизни где-нибудь на строительстве металлургического гиганта, который будет расти у них на глазах. Пройдут годы, и однажды Владимир и Лина — инженеры-строители, уже видные, известные люди — включат радиоприемник и услышат, что их фамилия названа одна из улиц нового города.

Видно, не сбыться этим мечтам! Но почему ссора с Линой произошла так неожиданно для него? Прежде он не придавал значения ее капризам. Может быть, это было по легкомыслию? Или из опасения разочароваться в Лине? Последнее, пожалуй, вернее. Разве не боишься разочароваться в том, кто стал самым дорогим и необходимым?

Но чем же все-таки, какими душевными качествами привязала, привлекла его Лина? Сначала Владимир оттолкнул этот вопрос. Глухость Любви не поддается анализу. Но потом ему показалось, что он поймет, за что любит Лину, если вспомнит, как зарождалось его чувство.

Тогда он учился на первом курсе. Студенты ехали в подсобное хозяйство института убирать картофель. По дороге много гули. В неслаженном, разноголодном хоре нежными перебивками выделялся голос Лины Савишковой. Она стояла возле кабины в прозрачной голубой ша-

кидне и подхватывала только веселые песни, а когда кто-нибудь заведет грустные, протестовала:

— Не иди! Не иди! Не желю.

В какое-то воскресенье приехали ветром. Гряла хлылом за оградами, на краю которого прилежались домики сторожа, чуть виднелся сквазь сетку дождя. Едва сложились рюкзаки и чемоданы в пролетах плавно ошощехранившие, доцент Барабин, прозванный элографической линейкой за изумительную способность считать в уме, предложил таскать солому для постелей. Кое-кому из студентов это не понравилось. Тогда Барабин сердито заявил:

— Кто это так забыл, что сопроводит придется сдвигать меня?

Шутка подействовала. Не успел Барабин оседлать очками широкое переноске, как все уже направились к кошам.

Владимир заметил, что Лина складывает пучки соломы на леуку руку, точно поменя.

— Ливка, что ты делаешь? — рассмелся Владимир.

— Солому набирю.

— А ты обени руками.

— Не умею. Копаюсь.

— Значит, прядетея помочь.

— Помоги, пожалуйста. Я тебя маминим кокеком угошу.

Владимиру почему-то вдруг стало приятно, что он разговаривает с такой беспокойной и милой девушкой. Надвинула за лоб кепку, абудержательный вешелюбо прихватуемому радостно, он стал зырбать солому. Лина взяла его за локоть и повела к ошощехранившему, так как Владимир набрал такую огромную охапку, что не видел, куда идти.

Ужинати пошло. Владимир сидел за столом напротив Лины и смотрел на нее лицо, озаренное скудным светом керосиновой лампы.

Привнеси прядети Владимирскому то решил, что разоблачила Лина, вечно руганная институтскую столую, откажется от постных щей. Вопреки его ожиданию, она едва ли не раньше всех очистила тарелку. Так же быстро раздалась Лина с чичевои кашей, приправленной, как и щи, подсолонечным маслом. Владимир тайше обрадовался, что девушка не избалована.

Из столовой они вышли вместе.

— Спать еще рано, — сказала Лина.

— Действительно, спать рано. Что же делать?

— А ты смеялся?

— Преподобно, смелый, — улыбнулся Владимир.

— Тогда пойдем на пруд, — теозначидно предложила Лина.

— Согласен. Только неудобоидти одним.

— Неудобно? Предассудки! Нужно стать выше людей, привыкших подозревать в чужесте плахе.

Дождь перестал. Разномачивные туши стремительно летели в зыбком свете месяца. Где-то далеко нарушали ночную тишь сигналы электрозов. Пруд лежал холодный, забытый.

Лина присела на валу. Несколько минут она не двигалась, как будто хотела обо всем на свете. Потом вдруг вскопала, шушна накидкой, подняла камень и оворю сказала:

— Войдем, давай кидать, что даше.

Владимир усмехнулся:

— Посмотри, кто дальше!

Но едва брошенный им камень расколол застывшую поверхность пруда, раздалась еще один звонкий всплеск.

— Съел? — крикнула Лина.

— Здорово ты кидашешь!

— Еще бы! Я ведь теннисистка. — Лина подняла на Владимира глаза и вдруг спросила: — Почему ты до сих пор не замечал меня? Странно.

— Не совсем, но в общем так.

— А привык?

— Просто не находил в тебе ничего примечательного, кроме внешности и нраюда.

— А теперь?

— Теперь вроде находи.

— Находишь. Эх, ты! Я выделюсь среди наших девушек. Если бы ты был наблюдательным, то заметил бы меня с первого взгляда...

— А и как раз наблюдательный — пошла Владимир.

Лина взглянула на него икоса и пошла к дорожке, взбегающей на круую прибрежный холм. Галька под ее ногами возмущенно захрустела.

Под утро приморозило. Небо очистилось от туч. Ярче светлюло блестяеи луной, подернутые тонким дымом. Вышли из ошощехранишна, студентгы весело журились. Свежий утренний воздух баярил.

Вскоре услышались песни, шутки. Только Лина копала картофель с подхоркнутюи сервезным видом. А во время отдыха сидела молча, задумчно.

Владимир догадывался, что она обиделась на его вчерашню шутку, и все же ему было неприятно.

Но мало-помалу хмурые лица девушки потеплели. Она украдкой перекартала взгляд Владимира, а вскоре глаза ее смотрели уже призывно-ласково. Он подошел. Лина стояла, перебрасывая отшипированный черенок ломаты с ладони на ладонь. Скромная ситцевая блузка с рукавами-крылышками и лыжные ботинки очее шли ей. Владимир не знал, с чего начать разговор, поэтому сказал первое, что пришло на ум:

— Сегодня журились летели. Высоко-высоко...

— Я видела. Грустные птицы... А внаешь, не хочется уезжать отсюда. Хорошо здесь. — Лина улыбнулась.

— Так они помирились. С этого дня их часто видела вместе.

Вскоре после возвращения в город Владимир занял к Лине. Не без робости постукавшись ое к Саввичу: отец Лины, директор крупного судостроительного завода, почему-то представлялся ему несладким и мрачным человеком.

— Мамочка, познаноком! — воскликнула Лина, вводя Владимира в комнату. — Маму зовут Александра Федоровна.

С дивана, стоявшего в углу, встала, поправляя халат, вероловская женщина с темными, чуть раскосыми глазами. Выгляд ее, казалось, говорила дочери: «Кая ты у меня замолшан! Разве так зывают? Александра Федоровна улыбнулась, углубляя смущение Володи, крепко пожала ему руку и сказала проро:

— Салитее.

— Ничего, я хошу подростка, — выпалила Владимир и покраснел, вспоминая слова Лины: «Остроумие — не твой стихик...»

— Мамочка, он после поспит. Сидела я покажу ему квартиру... Она схватила его за руку и улезла в коридор. В ее порывистых движениях и в веселом взгляде было столько милого оворства, что он забыл смущение.

Лина взяла Владимира в кабинет отца. С портрета, висевшего на стене против двери, широко глядел широколицый, бородатый человек.

— Кто это? — спросил Владимир.

— Мой папа, Павел Павлович. Таким он был в сорок первом году. На портрете он казался суrowым титаном, а на самом деле — добряк...

Впрочем, тогда шла война и было не до доброты.

Все еще чувствуя на себе пристальный взгляд Павла Павловича, Владимир приблизился к писемному столу. На том месте, где должен был находиться зернильный прибор, крепилась на левый борт мраморная шкуня, зарывшаяся в синеватую вошу. Пена на гребне волны казалась несомной. Из борту шкуня была вырезана надписи по-итальянски: «Море в только море». Не дожидаясь вопроса, Лина показала, что Павел Павлович купил шкуню в Нью-Йорке у какого-то бедного скульптора. Затем Владимиру было показано старуовое ядро из Египта и нож для разрезания бумаги, принадлежавший Гончарову, когда тот плавал на фрегате «Павладе». Последним экспонатом был бумажный веер. Некогда он принадлежал двоюродной бабушке Павла Павловича, бывшей замужем за известным моряком-путешественником, с которым водил дружбу великие писатели, художники, музыканты. Айвовский нарисовал на веере легкой парусник, затерявшийся в морской дали. Посреди веера расплывались автографы известных литераторов середины прошлого века.

Потом Владимир сидел в комнате Лины. Морозный ветер врывается в открытую форточку и гулярия штору. Лина переворачивала тяжелые страници семейного альбома. Рассматривая фотографии, Владимир удивился тому, как внешнею одевали Лину в детстве. Порой его поражало капризное или надменное выражение лица красивой идиженской девочки на фотографии, и тогда он неволью хмурился. Но Лина не замечала этого.

— Вот видный, какая у чудесная была, — повторила она, сияя.

«Какое у нас непохожее детство!» — думал Владимир. Ему вспоминались отец, работавший конюшаром на железной дороге. Возвращаясь со смены в своей пропитанной мазутом спешковке, он обязательно сообщал ребятам какую-нибудь интересную новость: «К Боровкам подъезжает — на полоте лица...»

Анатолий КОРШУНОВ

На заводском дворе

По соседству с глинистыми каменами,
Где металл кипит в формам ялют,
Принюхая ветвей зеленым мясам,
Молодые яблони растут.

Парни и девушки в час обеда
Здесь сойдутся — и пойдут игра...
И глядят на юж, прервав беседу,
С завистью седые мастера.

...По земле идет молва такая,
И невольно ты повернешь ей,
Что когда деревья зацветают,
Расцветают души у людей.

г. Ленинград.

В свободное время отец паял кастрюли и самовары, чинил часы, вставлял в ведра дюжины, насыпая обречи на кадки,— словом, исправлял все, что привозили ему жители станционного поселка. Зная, что отец сердится, когда домашние бездельничают, сыновья — их было четверо — тоже принимались за дело: помогали ему, убирали двор, пилили дрова...

Никифор Михайлович никогда не был дедом. Он лишь подымавал провинившегося и качал головой.

— Как же это так? Нехорошо. Прямо скверно. А совет где? Кошка слопала! Ну, ну, топчись на отцовском сердце, чать, оно из железа, выдержит. А может, не из железа? Слышь? Вот то-то и оно. И чтоб никогда больше... Появля?

Выпавшая Никифор Михайлович только по большим праздникам. Комнанию ему составлял вагонный мастер Кислятин, завялый голубитник и преферансист. Никифор Михайлович любил слушать разговорчивого человека, а вагонный мастер как раз был таким. О нем говорили: «Кислятин языком двигает, что помелом метет!»

Владимир заклонил альбом.

— А у тебя тоже много карточек? — спросил Лина.

Владимир усмехнулся. Первый раз он фотографировался в сорок четвертом году для пропуска, когда поступил на механической завод. Впрочем, это было во второй раз. Впервые он снимался со своим классом, окончив семилетку, но мать не дала денег, чтобы выкупить карточку: «Ишь, чего захочет? Десять рублей ему дай. И из что? На бабло... Вот сташешь зарабатывать, тогда хоть каждый день снимайся».

Лина недоуменно покачала плечами. Владимир угадывал, о чем думает девушка, но не обижался на нее. Чего обижаться? Ведь Лина не знает, как матери приходится изворачиваться, чтобы прокормить и обучить детей. Боюсь, что она плохо подумает о матери. Владимир рассказывал, как вечером Дарья Семеновна, наклонив над его постелью, шептала ласково, чтобы он не сердчал и поинял, что иначе она не могла поступить.

Уходя проводить Владимира до трамвайной остановки, Лина небрежно сказала Александру Федоровичу:

— Мамошка, поглядь голубое платье.

— Сама, что ли, не в состоянии поглядеть? — спросил Владимир, когда она вышла на лестницу.

Лина сделала вид, что не расслышала его вопроса.

Тени от их фигур, пока они спускались по лестнице, то расширялись, то сжимались в углы, и Владимир почему-то подумал, наблюдая за движением теней, что его отношения с Линой будут неровными. Но эта мысль не обождала его. Он был уверен, что с годами Лина станет серьезней и вздумчивей.

На улице их охватило ночной сыростью. Владимир робко взял Лину за локоть. Она отстранилась, сказала, что раздумала провозить его, и выкрутила и парадное. Он рассмеялся: «Эх, стрелка ты, стрелка!» — и шагнул по тротуару.

Через несколько месяцев Владимира стали считать в семье Саввички своим человеком. Павлу Павловичу он привнес по душе тем, что был искренен и любил слушать рассказы о море. К тому же оба они оказались страстными любителями шахмат и футбола.

Павел Павлович выглядел недосягаемым лишь на портрете. Говорил он о вещах доступных и обыкновенных, держался просто и даже часто жаловался, что к несчастью побоявлял равны. Из-за этих рани ему и пришлось оставить флотскую службу.

Павел Павлович бывалая Лину и потворствовал ее капризам не меньше, чем Александр Федорович. Владимир догадывался, что бывший капитан дальнего плавания по-такет Лину во всем потому, что во век ему не истратить той славной отцовской любви, которую он скопил за годы разлуки с дочерью. Но все же ему бывало стыдно за Павла Павловича.

Однажды вечером Лина пришла домой расстроенная. Павел Павлович и Владимир «селись» в шахматы. Она остановилась возле них и, не подымая глаз, проговорила:

— Я встретила мать моего бывшего соученика Федю Голубева. Федю направляют на периферию... Поговорил с кем надо, папа, пусть его оставят в городе.

Павел Павлович вскинул голову. На фоне высокой спинки кресла он, растерявшийся и озадаченный, казался бесомощным, маленьким.

— Ливок, поинимашь ли ты, на какое дело толкаешь меня? — пробормotal Павел Павлович, теряя борору.

— Не горючись, папа. Завтра ты должен вымолвить мою просьбу — Лина хлопнула перчаткой по обложке пальто, подыала независимо голову и удалялась.

Немного погодя Владимир зашел к ней в комнату. Лина стояла, опершись локтями о подоконник и сжав ладонями виски. Ее худенькие плечи вздрагивали. Владимир хотел сказать, что зря она хлопотала за Федю, но не успел. Девушка вскинула. Колечки, суровые слова осуждения, которые Владимир приговора, прежде чем зайти к Лине, вдруг пропали. Вместо них загорались из сердца другие — осторожные, мягкие. Он обривнито заговорил о том, что понимает, как ей, чуждому человеку, трудно было пожелать мать Федю, которой придется жить порознь с единственным сыном. Такой чуждой следует быть всегда. За это он и любит ее. И вообще она изумительная девушка, какую только посылать...

Восхищаясь Линой, Владимир спрашивал себя, почему он не сказал, что Павел Павлович прав, почему не осудил ее неспешу выходку?..

Владимир терпел при виде ее слез. Когда же, набрились мужества, он хотел высказать все прямо, она повернулась и обхватила его шею горячими руками. Мокрое от слез губы прильнули к его губам. Потом Владимир лобовал Лину, и ему казалось наррасным поучать и осуждать ее. Она изменилась и без его вступлений. Умная, редкая, исключительная девушка!

Через неделю Владимир узнал, что Федю Голубева обещали оставить в городе, и ему стало жить Павла Павловна.

«Можно сказать, будто воск: куда Лина вадинит, туда и подается,— полагал он.— Да и я не лучше...»

Владимир ругал себя за всепрощение, а сам, когда нужно было проявить твердость, говорил с Линою покладисто и робко. Все режсе возмражал он против того, что Александра Федоровна возмражала для Лины исправленные черточки и делала переводы с английского. Правда, Владимир пытался доказывать, что это медвежье услуга, но Александра Федоровна ссылалась на то, что Лина быстро утомляется.

Часто Владимиру хотелось рассказать об этом на комсомольском собрании курса, но он не решался.

Так шли месяцы и годы. Конечно, не обходилось без того, чтобы Владимир не проявлял своего недовольства. Иногда оно проявлялось настолько сильно, что он, всегда восхищавшийся Линою, начинал вдруг развешивать ее. И это было той крайностью, которая оскорбляла девушку до слез, заставляла воспринимать одинаково обидливо и сирательные и несправедливые упреки. Потому Владимир приспосаблился, что в сердцах заговаривал лишнего. Приходилось оправдываться, просить прощения. Вскоре они прамирялись, и Лина оставалась такой же, какой была раньше.

Тревожный шум деревьев жаловался Владимиру, что он сидит в парке. Он встал и огляделся. В небо метали прозрачные, как белесая дымка, облака. Река сделалась смольной. Ветер то срывал с ее поверхности брызги, то ставливал волну с волной, то закручивал воронки, которые радужно отсвечивали по краям. Стремительно проносились стрижи. Владимир смотрел на них и думал. Нет, трудно понять, за что он полюбил Лину. Его привлекала красота, изящество, живость Лины. Но это лишь частичка того, за что он полюбил ее, а остальное — трудно постижимое — складывалось из каких-то милых пустяков, неуловимых, как полет этих стрижей...

Сутренки уже начали ступаться, когда Владимир вернулся домой. Дарья Семеновна замечтала, что сын разстроен.

— Наверно, опять со своей красавицей поспорил? — строго спросила она.

— Да так... вроде бы...

— Не вылезай, «вроде бы». Я знаю тебя. Все, небось, церемонилась, осторожничалась. А в этом вся беда. Лучше потолковала бы с ней, объясняла бы зачастую брось, мол, фокус...

— Мама, оставь!

— Ну, как знаешь. Не мне жить — тебе.

На другой день пошел всем курсом в театр смотреть пьесу Островского «Глупости в деревне». Сели порознь. Владимир на балконе, Лина в партере. Он часто поглядывал на подруку, надеясь встретить ее взгляд. Но глаза ее были устремлены на сцену. Владимир давал себе слово не смотреть на Лину и тут же нарушал его. Ему казалось, что Лина сейчас особенно несправедлива к нему: она даже нарочно надела черное платье, которое ему не нравилось, как будто давая пощечину; что между ней и им возникло некое напряжение. Но Владимир чувствовал, что любит ее так, как, может быть, никогда не любил.

После спектакля он догнал ее у подъезда. Лина шла с одноклассником Борисом Вотновым, который был известен своим яркими галстуками и невероятной бражливостью. Борис никогда не здоровался за руку, а двери открывал локтем.

Заметив Владимира, Лина поочеруно громко сказала Борису:

— А все-таки этот Меаулов порядочно хлопнул!

Володя, не решаясь заговорить, пошел следом за ними.

— Что тебе, Зварухин? — спросила Лина.

— Можешь тебя проводить? Нам надо потолковать...

Нет, нельзя, и толковать нам не о чем. Ты хороший, а я плохой. Иди себе хлопай!

Когда девушка скрылась в толпе, Владимир застенула пальто и зашагал в родной стационный поселок.

Вскоре он уже подходил к переулку. Полосатые шлагбаумы были открыты. Зеленый глаз светофора ронил из-под длинного козырька лучи на железнодорожный путь. Рельсы от этого казались покрытыми злым лаком. Неподдалеку засветился паровоз. Владимир остановился. Замелькали платформы с грузониками, тракторами, автокранами. Вдурду до боли знакомые, лаковые маленькие ладочки прикрыли его глаза. Он обрадовался, но, продолжая сердиться, не шелочулся. Прогрели на стывах колеса последнего вагона, и весь этот шум, который только что нависал над ним, как бы оборвался.

— Подъезжай шлагбаум. Идем, я провожу тебя, а сама вернись на автобусе,— сказала Лина и взяла Владимира под руку

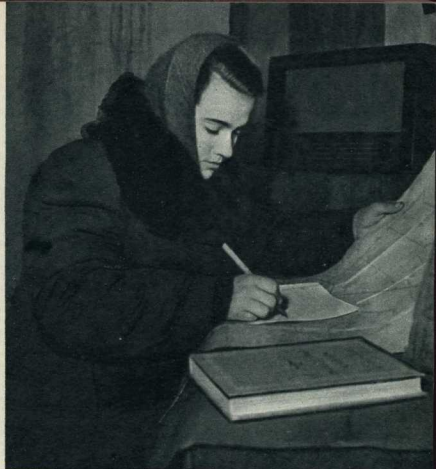
Мимо, приседая на ресорсах, прокатила «Победа», обдав их горячим дымом.

Лина прислонилась щекой к плечу Владимира, проговорила:

— Так больше не будет.

Он знал, что девушка ждет ответа, но молчал. Владимиру дуло о том, что Лина вернется не сразу и им, возможно, предстоит еще не один тяжелый разговор, прежде чем он найдет нужные, убедительные слова, а она научится понимать их. Но в душе уже рождалась радостная уверенность, что это — последнее, что надо бы оборваться.

Сидя, нависавшаяся за стационными поселком, таяло свежее ветром. Он привнес с собой запах таковой земли, нескончаемо милый человеческому сердцу.

Агроном Валентина Подпорникова.

Д. м. РУДЬ

НАД КАРТОЙ УРОЖАЯ

Первое впечатление...

Один считают, что оно всегда обманным, другие, наоборот, полагают, что именно ему следует больше всего верить. Трудно сказать, кто в этом прав, а кто ошибается. Во всяком случае, моя встреча с агрономом Валентиной Подпорниной сказала свое слово не в пользу первого впечатления.

Я лишь впервые переступил порог правления колхоза имени С. М. Кирова, в котором Валентина Семеновна Подпорникова представляет агрономический коллектив Добринской машинно-тракторной станции, а у меня уже сложилось о ней вполне определенное и притом далеко не лестное мнение: «Канцеляристка...»

Валентина Семеновна в пальто и шерстяном вязаном платье сидела за столом, на котором громоздился кучка папки с бумагами, тут набитые мешочки с образцами семян. Сбоку стоял радиоприемник. Здесь же лежала самоделанная карта земельных угодий колхоза. Низко склонившись над ней, Подпорникова что-то записывала в тетрадь.

Улыбаясь мое приветствие, она подняла голову. На вид Валентина Подпорниной можно было дать года двадцать два—двадцать три, не более. Из-под густых темноканитонов бровей на меня глянули большие — какие бывают у детей — зелено-голубые глаза. И тут я начал понимать, что ошибся:

такая девушка ни за что на свете не станет канцеляристой.

Все последующие шаг за шагом убеждало меня в том, что это действительно так. Из беседы с самой Подпорниной, из поткаланных отзывов о ней колхозников и работников машинно-тракторной станции отчетливо вырисовывалась цельный и привлекательный облик советского агронома, такой, какой он должен быть.

Как же случилось, что первое впечатление так жестоко меня обмануло?

Познакомься я с Подпорниной не в правлении колхоза, а на поле, застань ее у посевного или уборочного агрегата, а не за картой колхозных угодий и записной тетрадью, ошибки, в которую я влился вначале, конечно, не случилась бы.

Бумага подвела. Она, как и металл, имеет, так сказать, две стороны: лицевую и оборотную. На ней и оригинальные произведения пиют и безликие циркуляры строчат.

К месту Валентина Подпорникова, имея в ее руках не канцелярские служки, а делу. И какое у молодого агронома обширное, богатое поприще для творческой работы в колхозе имени С. М. Кирова!

Творческое отношение к своей профессии складывается не вдруг. Оно возникает в человеке иногда еще задолго до того, как он вступит на путь самостоятельной ра-

В. В. МАЯКОВСКИЙ

ПОЭТ МОЛОДОСТИ И МИРА

В стеной газете медицинского факультета 1-го МГУ в 1927 году было помещено стихотворение «Мечта». Под ним стояла подпись: «Возвеще». В стихах рассказывалось о том, какие «злые» мечты греют сердце студента — будущего врача: он видит себя преуспевающим человеком, на нем дорогая шуба, шляпа, шапка-перыль. С полным благодушием этот врач приоткрывает в стихотворении и свое представление о семейном счастье:

Затем — семейная картинка.
Вернусь я вечером домой,
и будем греться у камина
вдвоем с молодой женой.
А там... пойдут как надо, детки.
Гладись, я главарючку зовусь.
Оничет детки семидеять.
Потом поступит детка в вуз.

Один из студентов, работавший в «Комсомольской правде», принес стихи в редакцию. Здесь их внимательно прочитали. Всем было ясно: «Мечта» требует ответа. Стихи передали Маяковскому, который к тому времени уже был тесно связан с «Комсомольской правдой». Так 24 июня 1927 года появилось стихотворение Маяковского «Ответ на мечту», в котором поэт продолжил размышления студента-медика. Мечта «Возвеще» осуществилась. Он стал главврачом, жизнь его — полная чаша. На все, что волнует других, у него один ответ: «Я — счастлив, и дело мое — сторона».

Его благополучие, однако, непрочно. При первом же испытании, когда «врачи обступили Советов границы, это благополучие лопнуло, как мыльный пузырь. Человек, потышавший в одиночку, себе самому, для своих утех «содать канарейный угодник, неминуемо оказавшийся разданными врагами страны, которую он не захотел защищать своими руками. С железной логикой следовали заключительные строки стихотворения:

Вопрос о личном счастье
о личном счастье — не прост.
Когда на республику лезут громы,
личное счастье — это рост
республики нашей богатства и силы.

История написания стихотворения «Ответ на мечту» чрезвычайно характерна для отношения Маяковского к молодежи, и ее думаем, мечтам, запросам. Юноша, обдумывающий будущее, размышляющий о родине, о творчестве, о любви, всегда находит в Маяковском чуткого товарища, доброжелательного наставника.

Как и всякий большой художник, Маяковский для молодежи — учитель жизни. Стихом, очерком, пьесой, поэмой он учит жить, учит щедро отдавать свое сердце борьбе за счастье народа. В огромной человечности, правдивости и широте его поэтических образов, всегда устремленных к самому лучшему в человеке, к его чести, достоинству, гордости — вот в чем сила влияния Маяковского на читателей, особенно на молодых.

Маяковский не ставил перед собой простых задач, он ставил задачи крупные, большие, такие, которые действительно достойны человека.

Так же Маяковский отвечал и на глубоко волнующий молодежи вопрос, кого брать, пример, на кого равняться. Ленин — вот имя, которое, как факел, горит на многих страницах книг Маяковского. Быть таким, как Ильич! Уверенно этого девиза нашей жизни помогают произведения Маяковского, которые

Для советских людей, вся жизнь которых озарена советской революцией, воплотившей вековые мечты о новом мире — мире без эксплуатации, без угнетения человека человеком, есть особая притягательная сила в дерзании, в смелых поисках нового. Страна, народ которой получил право на новаторство, на воплощение мечты в жизнь, говорит каждому из своих сыновей:

творить, выдумывать,
пробуи!

Все писатели, которые особенно любимы молодежью, имеют одну характерную черту: они мечтают, фантазируют, выдумывают, пробуют. Они ведут за собой пытливых ум человека. Гайдар, Островский, Маяковский, такие разные, но похожие друг на друга, — все они увлекают читателя в завтра, вперед. Впрочем, иногда в мечтах удивительно родственны. В дни борьбы испанского народа с фашистской реакцией, в 1936 году, Николай Островский говорил: «Последние дни я уношусь в Испанию. Я представляю себя там на площади могучего оратора... Или вижу себя радостным испанским войском... Вера я проснулся ночью, не спал часа полтора и строил планы, как взять дредноут у митежников. Я был в подпольной организации дредноута и вел работу по организации ассантин; до мельчайшей подробности предсудоро было все. Мы жаждали по офицеру — и дредноут наш...»

Мечта об освобождении человечества была самой заветной и у Маяковского. В незаконченной поэме «Этот интернационал» он видит себя бойцом в последней битве с капитализмом. «Размазывать громадными руками, то закивая, то туша глаза, сестью уха выливая каждое слово я весь изработался в неодолимой воле — победить. Я обманываю маскировку наших колонии. Маявким глаз указывал места легчайшего штурма. Пуляю вражне не радио... Мы победим. Мы не хотим, мы не можем не победить».

Письма, дневники тысяч молодых людей, в частности дневники Иины Константиновой и Зои Космодемьянской, полностью объясняют, почему они тянулись к произведениям таких художников, что они в них находили, каким запросам их ума и сердца отвечали эти писатели.

Примерно за месяц до начала Великой Отечественной войны Иина Константинова отвечает: «Тра-а-а! Маяковский, тыскую раз: прав жизнь хороша и жить хорошо. Жить — светлая дорога, не знающая движения назад, движения в прошлое. Будущее — оно мое! Оно должно стать моим. И стает!». Р-а-а-у-а-а! Мечтать так хорошо, и так хорошо верить в мечту. Ведь нет ничего невозможного. Все может сбыться. Верю в это, верю!»

А ее сестра по духу, Зоя Космодемьянская, рядом с афоризмами Гете, Чехова, Горького записывает в своей книжке зовущую на подвиги мысль поэта:

быть коммунистом — значит дерзать,
думать, хотеть, смеять.

Но Маяковский увлекает не только радомом мечты, дерзания. Пафосом его поэзии является «жизнь сия, сей мир, веру в который он утверждает всеми произведениями. Поэтому и в прозаических, а также в поэтических дела Маяковский вкладывал весь огонь своего сердца. Поэт не жалел ни времени, ни сил на осмысление ниточек, которые мучают миное отсутствие большой, героической работы.

Надо в каждой пылинке
быть умей
большевистского пафоса медь.

Он создавал стихи, в которых показывалась связь каждой пылинки с героическими делами народа, подтаскивал перспективы, своим стихом, как мощным прожектором, освещая путь в будущее.

А с нем такое стаюсь,
что в семидеять
у такого — сидит пригорюнивши,
и не будет
сочасть старость.
Он не будет и не был покойши.

Поэт выступал как грозный сатирик, высмеивающий недостатки в жизни и работе молодежи и ее организации — комсомла. В комсомоле Маяковский видел большое помощника партии. Со страниц множества молодежных газет и журналов он не раз высмеивал героические дела своих товарищей. Но Маяковский был подлинным другом комсомольцев, и поэтому он не мог проходить мимо их недостатков. Работа, учеба, отдых, быт, личные отношения, любовь, дружба комсомольцев были поставлены в поле зрения поэта. Он выступал против мертвенности, узкобюджетного даячества (стихотворение «Служака», «Фабрика мертвых душ»), против самоуспокоенности, мещанского почтения на лаврах («Призызы»), против бестактности, бессмысленных наругозов без меры. По многим отрицательным явлениям нашей жизни быт и сейчас произведения Маяковского. Разве не ходят среди нас и сегодня родные братья комсомола Петра Кукушкины («стихотворение «Наргузка по макушке»), который с большинством — проголосует, с большинством — воздержится.

Петр Кукушкин — типичный образ «разужасного делогого» парня, который встречает во все дела, всюду попевает с готовой, шаблонной фразой. Когда же к нему присматриваются поосновательней, он оказывается всего-навсего одним из прозаедавших:

Присидел собраный двести.
Дни легит, недели тяют...
Аж молью итер

на месте,
на котором заседует.

Борьба с казенщиной, с бюрократизмом, живая работа — вот что, по мысли Маяковского, должно украшать комсомола. Большое значение для формирования лучших черт молодого советского человека имеют стихи поэта о любви.

Человек огромной искренности и прямоты, Маяковский всегда был чрезвычайно требователен к выражению сложных мыслей и чувств.

И читатель всегда это чувствует, находя в душе поэта родственную душу. Он верит другу-поэту, поэту-товарищу. Такая вера ведет вперед, дает новые силы. Она помогает строить коммунизм, бороться за мир. Маяковский более настойчиво и страстно утверждал эту веру, что вся его жизнь была охвачена одной мыслью:

Старый мир из жизни выроет,
развалит мертвое в дыму!
Коммунизм, это — молодость мира,
и его возводит молодым.

ВСЕГДА НА ПЕРЕДОВЫХ ПОЗИЦИЯХ

Маяковский любил ездить. Это было для него не только удовольствием, а и живой необходимостью. Он умел удивительно быстро, с первого же дня, знакомится с делами каждого города, учреждения, коллектива.

Разъезжая по родной стране, он жадно вглядывался в быстро меняющийся облик республик, и облик ее строителей — советских людей. И каждой окрыленной радостью израсходованного глаза, когда он замечал ростки нового коммунистического!

«Жизнь», — писал он, — интереснее и сложнее поэтических и беллетристических книг о ней».

Такую страну и сравнивать не с чем, — где еще мысленными походы вещей? И думаю я обо всем, как о чуде. Такое настало, а что еще будет?

Творчество Маяковского с полным правом можно назвать летописью советской жизни. Но его стихи — это не только правдивое отражение событий дня. Он понимал поэзию как глубокую разведку боем. «Настоящая поэзия должна хоть на час опережать жизнь»; поэт настоящий должен идти в авангарде «тактического класса». И Маяковский призывал собираться по перу:

Вперед забегайте, не боюсь суда!
Зовите рукою о грядущих кривеях:
«Пролетарий, сяди!»

Он сам сажеными шагами «врался в завтра, вперед». И не потому ли многие его стихи живы сейчас, как только что написанные, а сам поэт спустя четверть века после смерти является востребованным дум и примером творческого беспокойства. Маяковский всегда сочетал правдивое отражение жизни с глубоким проникновением в будущее.

Маяковский любил разговаривать с людьми. Свои творческие вечера он называл «Разговор-доказка»; разговорная интонация свойственна очень многим его стихам. Особенно любил поэт беседовать с молодежью, которая в его глазах была будущим страны, ее завтрашним днем. «Сядь на вас, комсомольцы товарищи, на вас, грядущие творцы». Поэт разговаривал с молодежью со страниц газет и клубов, встречался с ней в аудиториях вузов, в клубах, дворных культурах, в вагонах поездов. Разговаривал он как старший товарищ, как хороший, вздущенный друг.

Случалось ли вам бывать в Библиотеке-музее В. В. Маяковского, что находится в Москве в переулке его имени? Там, в двух небольших комнатах, помещается фонд документов. В нем хранятся рукописи Маяковского, негативы и оригиналы фотоснимков, записки, собранные им во время многочисленных выступлений, письма, адресованные ему, книги отзывов.

По этим живым документам можно проследить, как на протяжении десятилетий Маяковский овладевал сердцами людей, как он входил как заклинание в нашу жизнь, как строившая и будущая «слава» поэта воплощалась по каплям в кровь и плоть строителей коммунизма.

Попросим записки.

Их много, несколько тысяч. Поэт собирал их, сортировал, предлагал назвать книгу «Судьба и переписка поэта». Вот записка 1927 года. Она получена поэтотом на выступлениях в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Пензе, Самаре, Саратове, Туле, Курске, Харькове, Киеве, Минске, Ташкенте, Ленинграде, Свердловске.

Пространствен эти записки и забывались, что это клочки бумаги, вырванные из блокнотов, обрывки театральных программ, на кото-

рых напечатано, сокращая слова и не забывая об орфографии и стиле, каждый писал то, чего он не мог не написать, расторможенный Маяковским. Забывались, потому что виднеш перед собой живых людей спорящих с той страстью и накалом, которые умно вносят Маяковский в любой разговор. По сути дела, поуту можно было бы не отвечать на записки: слушатели сами отвечали друг другу.

Вот один из таких примеров:

«Немотора на вашу мировую квалификацию и многолетний стаж поэта, понимать ваши труды очень трудно, даже для образованной публики, не говоря уж о рабочих!»

«Уверю, что человек, творивший о том, что «Маяковский непонятен пролетариату» (сидит в беллетжке), — спекулинт-старьевщик из Сенного базара».

Но вот начинают поступать деловые записки, в которых задаются вопросы о том, что такое рифма или ритм, как писать стихи, как надо читать стихи Маяковского; спрашивают совета: из поэтов рекомендуют он читать, не сможет ли Маяковский выступить в таком-то клубе, в университете или на заводе.

Любое из выступлений Маяковского — это бой, в котором, с одной стороны, он и все те, кому дорога революция и ее поэзия, с другой — те, кому и революция и боевая поэзия не нужны. Любое из выступлений Маяковского — это борьба, в которой, с одной стороны, он и все те, кому дорога революция и ее поэзия, с другой — те, кому и революция и боевая поэзия не нужны. Любое из выступлений Маяковского — это борьба, в которой, с одной стороны, он и все те, кому дорога революция и ее поэзия, с другой — те, кому и революция и боевая поэзия не нужны.

Отражение этой борьбы мы видим и на пожелтневших от времени страничках книг отзывов посетителя выставки «20 лет работы Маяковского», которая была организована в феврале 1930 года.

Один из посетителей пишет:

«Выставка — неполные месяи славного, большого и революционного пути борца, художника и поэта революции. У многих ли такой путь! Нет, у немногих! Многие ли связали так свою жизнь, свое творчество, каждый шаг с революцией, с ее героикой и буднями? Нет, немногие. Лучшие, Сильные были». Вынести выставку на рабочую окраину, в рабочие клубы. Маяковский, чаще сам выезжал на производство, приходи в цех...»

Автор этого отзыва подписался так: «Комсомолец-железнодорожник, билет № 220741».

...Перед нами большая папка писем, адресованных Маяковскому. Они приходили со всех концов страны. Писали разные люди, писали по разным поводам. Читая их, чувствуешь, что советские люди видели в Маяковском поэта-гражданина, общественного деятеля, слугу народа. Люди сообщали ему о злоупотреблениях.

В Музее-квартире В. В. Маяковского. Кабинет поэта.

ных в местах, просила оказать материальную помощь. И. Особоенно много присладали Маяковскому стихов, авторы которых просили ответить, следует ли заниматься поэзией в дальнейшем. Приходили письма и из-за границы. Болгарские товарищи просили перевести «Сентябрь» по-болг. Гео. Милеву, большого почитателя и последователя Маяковского; немецкий поэт-экспрессионист по совету друзей прислал Маяковскому свои произведения на отзыв. Из Нью-Йорка сообщали, что Тед Драйвер хочет познакомиться с Маяковским во время своего пребывания в СССР...

Народ считал Маяковского родным по духу, по стремлениям. Особоенно ярко это чувствовался в тех Нью-Йорке сообщали, что Тед Драйвер хочет познакомиться с Маяковским во время своего пребывания в СССР...

«Дорогой тов. Маяковский! Мне хочется просто и крепко, по-товарищески познать вашу работу и поблагодарить за ваши стихи... Вы в нас стихах — человек, и человек чуткий и хороший... И мне хочется вам сказать, что вы читаете крестьяне и говорят, что вы пишете по-мужичьи, по-ихнему, как надо...»

Далее Мария Егорова открыто и доверчиво, как бы с товарищеским чувством, рассказывает Маяковскому о своей жизни, о том, что нужны «сильные стихи», до слез нужны.

Любовь народа к поэту, глубокая вера в нужность для страны того, что он делает, ощущенная в стихах — человек, и человек чуткий и хороший. И мне хочется вам сказать, что вы читаете крестьяне и говорят, что вы пишете по-мужичьи, по-ихнему, как надо...»

Маяковский любил жизнь. Она слагалась у него из борьбы, творчества, любви и ненависти. Поэт не умел быть только наблюдателем, он был участником.

Его стихи помогали строить жизнь, переделывать ее, утверждать новое, бороться со старым. Особоенно большую роль сыграла поэзия Маяковского во время Великой Отечественной войны.

«Прощу вас, — писал один из фронтовиков, — оченя проку, приехать, пожалуйста, сочинения Маяковского, какой-нибудь одностопик попортивнее, что можно было бы с собой таскать и в бою читать». Две недели назад Фронтовики А. Корнев в своем письме просил сообщить, как правильно читается одна строчка из стихотворения Маяковского. В ответ было послано разъяснение и тоник стихов поэта.

Вскоре пришло новое письмо Корнева, объясняющее первое. «Товарищи! Получили ваш ответ и подарок. Спасибо! Несколько месяцев тому назад, перед началом горячих боев на нашем участке фронта, начали издавать собственное собрание стихов поэта: нашли объемистую тетрадь и начали выписывать туда все стихи и отрывки из стихов Маяковского, какие знали наизусть до войны. В этой связи и возник спор по поводу одной строчки, о которой мы спрашивали у вас. Наша тетрадь прочтала каждый и по несколько раз, она уже порядком полюбилась, и теперь такая же судьба ожидает и присланный вами сборник. Хотим отметить, что — это можно всегда и всоду брать с собой!»

Сотни писем, записки в книгах отзывов, танки и боевой самолет, названные именем Маяковского, — все это свидетельствует о том, как близок и дорог был поэт народу и в годы войны.

В музее хранится тоник стихов Маяковского, пробитый осколком. Один из фронтовиков написал:

Маяковский! Твой тоник, пробитый свинцом, я нашел на груди у солдата. Как же геробой и героиней степном, — он стихи твои нес, как гранаты...

В годы мирного строительства с прежней силой звучит голос поэта.

«Вас изучая, учима жить!» — говорят ученики 504-й московской школы.

Когда идет горячее комсомольское собрание, когда молодежь спорит и шумит по любым вопросам, общественным или личным, когда затся любое большое дело, часто вспоминается имя Маяковского.

Стихи Маяковского, рожденные великой любовью к родной земле, к миллионам людей, строящих коммунизм, помогают нам и сегодня. Они не стареют, как не стареет народ, которому посвящены и делами которого вдохновлены эти стихи.

ОН БОРЕТСЯ, РАДУЕТСЯ, ЖИВЕТ...

Четверть века прошло с тех пор, как не стало Владимира Маяковского, но так, его современников и сверстников, как на минуту не покидает ощущение, что и сегодня он рядом с нами — живет, борется, радуется нашим успехам, сражается с нашими врагами.

Двадцать пять лет назад даже почитатели огромного таланта Маяковского при всем уважении к творчеству поэта не могли себе представить, какое значение его прозе будет иметь для развития всей советской поэзии. Из года в год вырастал перед нами Маяковский, и сегодня он говорит с нами как живой с живыми.

Потрясенно, озабодо его слово, дышащее энергией, мужеством, силой, искренностью. Потому что любил Маяковский наше молодое поколение, не ослабевает его интерес к творчеству замечательного поэта.

Так же, как принято бывает посетить близкого друга, принято еще раз посетить Музей Маяковского — ищут студенты химического факультета МГУ имени Ломоносова.

«...советским школьникам дорог Маяковский, который учит нас преодолевать все трудности, любить свою Родину и ненавидеть ее врагов.» — записывает ученица десятых классов.

Непомнящимся суровым для 1919—1920 годов. Это было время тяжелых испытаний молодой Советской республики, но именно эти годы оказались плодотворными для литературы и искусства. В ту пору вспыхнули разношерстные споры, диспуты, оны кипели в Москве, в Кисловодске, в Наркомпросе, в Клубе поэтов.

Где бы я не встречал Маяковского на Губерской или редакционной «Известия», на Крымской площади, где в бывшем Катковском лицее тогда помещался Наркомпрос, — всегда с ним было интересно, весело, хотя вокруг возвышались стурбы неубранного снега, а по протокавшей в снегу тропинке посередине улицы люди вели на саночках мороженую картошку. Москва осыпалась снегом; два полена дров были ценностью, они краснели нагретая железную печку-буржуйку». Но Маяковский в эти тяжелые годы горячо верил в светлое будущее, видел Москву 1940—1950 годов «во всем своем величии». В поэме «Пятая интернационал» он писал:

Москва
это, я вам доложу — зрелище. Довольно
Домов необъяснимых величин и красот...

Где бы ни был Маяковский, где бы он не строился, он был востребован от Москвы. И потому, проходя по улицам и площадям столицы, так неузнаваемо изменившимся за эти прошлые месяцы, четверть века, с нежностью смотрю на не тронутые временем уголки, связанные с великим поэтом.

Дом печати — ныне Дом журналиста — на Суворовском бульваре. В тени, перекопанной земле, где кипит весенняя война, двадцатисемилетний Маяковский. Он только что вошел, и кажется, распахнулись окна и ворвался свежий, весенний ветер. Он стоит в дверях, выпрямившись во весь свой исполинский рост, сосредоточенный, думающий о чистом своем. И вдруг острой фразой или словом он резко обращает внимание на какой-нибудь предмет, удивительно остроумно Маяковского, неожиданный поворот мысли, присущий только ему. Даже когда он негодует, прямой взгляд, бы глумится вот мы спорим, и знаю, вы неправы, но мы вместе, мы рядом, если вы за нашу, советскую, справедливую жизнь, за коммунизм!

Ничем не приметный дом в Охотном ряду, близ гостиницы «Москва», которой тогда еще не было в помине. В этом доме Маяковский жил в последние дни своей жизни. В холодные морозные ночи, когда Москва прощадась с Лениным, когда вокруг Дома Советов медленно взошла некончаемая людская толпа, в комнату редакции вошел продвигший Маяковский. Сниз перчатки, он думал на руке в пальцах, слегка замерзшие острые стекла. Это было не утро, а вечер. Он сидел на стуле, переосмысливая удачу и олягу, в который раз, направившись в самый конец людского потока, чтобы еще раз вместе с народом пройти через Красный ряд мимо гроб Ленина. Позднее, когда мы читали «Воспоминания о Ленине» — поэму, в которой отражена с такой огромной силой всепроникающая горячая утрата, перед нами возникала Маяковский таким, каким он был в траурные январские дни 1924 года. Вспоминалось лицо его, окаменевшее от холода и горя.

В Пхеньяне — столице Коре́йской Народно-Демократической Республики — открылась фотовыставка, посвященная В. И. Маяковскому. На снимке: у одного из стендов выставки.

В этой первой советской эпической поэме Маяковский пронизанно воспеет Коммунистическую партию — «спинной хребет рабочего класса» и ее основоположника — Владимира Ильича Ленина: «Мы говорим — Ленин, подразумеваем — партия, мы говорим — партия, подразумеваем — Ленин».

21 октября 1924 года Маяковский впервые читал эту поэму в актовом зале Московской партийной организации.

Поистине это был поэт, революцией мобилизованный и призванный! И лирика, и латентический стих, и гневная обличительная сатира равно служили ему оружием как в годы гражданской войны, так и в борьбе за построение нового общества. Для великой цели он не пренебрегал ни одним жанром литературы. Маяковский был начинателем политических плакатов и мастером пакетной живописи.

Работа над плакатом Ростя являлась важнейшей плакатической работой для поэта. Народ повторял его крылатые слова, разнели врагов революции, — то была поистине «грозная смех», которым он мастерски владел.

Создавал монументальные поэмы «Облаком в штанах», «Война и мир», «15000000», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо» и «Во весь голос». Маяковский не издал в день стихотворца в периодической печати, в газетах и журналах, беспощадно обличая пережитки капитализма в сознании людей.

Как сатирический поэт, Маяковский глубоко осознавал необходимость критики и самокритики:

Нам критика
Нужна, напоминаем,
как человеку — кислород,
Как чистый воздух — комнате.

Удивительным, всепроникающим чувством современности насквозь пронизаны все творчество Маяковского. Именно поэтому строки, созданные в 1919—1920 годах, звучат точно написанные сегодня. Еще в своей поэме «15000000» он предостерегал всерьезность капиталистического строя, казими буржуазную культуру, разоблачал лицемерную мораль страны, где валствует «капитал — его продохание».

Глубокий интерес к жизни, жаждали знать, как и чем живут люди в родной стране и за рубежом, далеко поэтом. Он много ездил по Советскому Союзу, была за границей. В его произведениях получалась правдивое отражение жизни трудящихся капиталистических стран.

Маяковский уже тогда понимал, какую угрозу для мира, для демократии представляли империализм, империалистические хищники. В своих путевых заметках он писал: «Может статься, что Соединенные Штаты сообщат последним вооруженным защитникам безнадёжного буржуазного дела...»

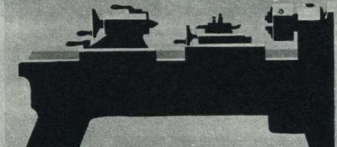
Подарок тем велико величие таланта Маяковского на протяжении десятилетий и поворот всего мира. Молодой греческий поэт Алексис Парнис, посетив Музей Маяковского, оставил такую запись в книге: «Я один из миллионов людей, которые по «вещности» Маяковского подымались до значения слова Поэзия». А Нельма Хакмаев написала: «Еще дороге — от дома Маяковского до моего дома — я думала... о лучших писателях разных стран, для которых его стихи стали знаменем... Лук Драгоне, Пабло Неруде, Поле Элюаре, Людмила Столянов, Станислава Неймане, Юлиана Турине, Алексисе Парнисе, Го Мо-жо, Тэ Сон Воне. Я думала о том, что голос Маяковского не заглушит — за ним донесет миллионы голосов советских граждан и еще сотни миллионов голосов зарубежных друзей...»

Эти проникновенные слова — лучшее свидетельство того, что произведения талантливейшего поэта советской эпохи прошли испытание временем. Они и в наши дни служат и будут служить грозным оружием в борьбе за мир, за счастье человечества, за коммунизм.

**ОЛТЛИВОСТЬ —
АСТРАТА РАБОЧИХ ЧАСОВ.
РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ —
ЯЗЫК НА ЗАСОВ!**

**ДЕ ?
ПРОГУЛЬЩИК ?**

**БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ
БРОСАЙТЕ К
МИЛЛИОНЫ ЧАСОВ
ЗРЯ НЕ ПРОКУР**

**ЖИВ КУРИЛКА
В ДЫМНОЙ
СИДИТ В КУРИ**

ОРУЖИЯ ЛЮБИМ

Беззаветно любя свою революцию, свою Родину, свой народ, Маяковский горячо утверждал:

Рабочего громады класса враг —
он враг и мой, отъявленный и давший.

Маяковский был величайшим гуманистом, именно потому так уничтожающе зло говорил он о тех, кто «выпал из человечества кровавой баней империалистической войны». Поэт гордился тем, что в нашей стране вырос новый, красивейший человек. Бесконечно дорожа этим человеком, он обрушивался на разного рода уродства, каемки бюрократов и подхалимов, карьеристов и хулиганов, головорезов и пошляков.

Поэт давал своим стихотворениям недвусмысленные названия: «Сволочи», «Вредитель», «Мразь», «Лицо классового врага», «Ю драгин... Он в совершенстве владеет грозным оружием сатиры. «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается» — так назван один из сборников сатирических произведений поэта, вышедший в 1923 году. Улыбался Маяковский язвительно, смеялся зло, издевался жестоко.

Создавая в дореволюционную пору сатирические «Гимны» («Гимн судье», «Гимн взятке», «Гимн ученому» и другие), поэт вынужден был прибегать к иносказательному языку. Однажды на вопрос: «Ах ты, почему он пишет так непонятно», Маяковский ответил: «Если я буду писать все ясно, то мне в Москве не жить, а где-нибудь в сибирской ссылке, в Туруханске...» И он писал: «Экватор

дрожит от кандалных звонов», — довольно прозрачно намекая на тогдашнюю русскую действительность.

После победы Октября надобность в иносказанных отпала. Поэт мог называть вещи своими именами.

Много дала Маяковскому работа в «Окнах сатиры РОСТА» (Российское телеграфное агентство) в период гражданской войны. Поэт рисовал агитационные плакаты и делал стихотворные подлики к ним. «Пусть вспоминают лирики стихи, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал из Орла», — писал он в предисловии к «Сборнику своих избранных текстов и рисунков «Окна РОСТА» — «Грозный смех».

Сатира Маяковского всегда стояла на страже наших завоеваний, на страже мира. Она создавала различные стихотворные плафеты — «Маяковская галерея», — разоблачая заклятых врагов трудящихся: французского реакционера Пуанкаре, лорда Керзона, маршала Пилсудского и других. Сюда же поэт поместил и профсоюзного босса, лидера Американской Федерации труда Семюэля Гермерса — предшественника нынешних продажных «рабочих лидеров» США.

И сейчас актуален его стихотворный фельетон «Явление Христа», посвященный приезду в Париж в 1928 году американского дипломата Келлога — инициатора так называемого «пакта Келлога»:

С веплом рисуют бога-сынка.

На Келлоге нет циничного вена.

Зато над цилиндром тишится — долларное сильнине.

За официальными веляными речами этого «новоявленного Христа» скрывалась лютая ненависть к свободлюбивым народам, которые

хотели жить в дружбе с Советским Союзом.

Маяковский обличал:
Подлинше мир на глади листа,
проокухут фамлини насухо, —

Рис. Н. Лисогороккого.

**В место собственное
и не видит вросса
ничего дальше собственного
носа.**

(«Служанка»)

ЕЙШЕГО РОД...

а мы посмотрим, что у Христа припрятано за паузой. За паузой, полоубуйтесь вот, наложил лики сильнейший морской и воздушный флот, и газы в баллонах, и танки.

Одно из первых, широко известных сатирических стихотворений поэта на «внутреннюю тему» — «Прозаславшился» — вышло положительный отклик В. И. Ленина: «Мы, действительно, находимся в положении людей (и надо сказать, что положение это очень глупое), которые все заседают, составляют комитеты, составляют планы — до бесконечности... Практическое исполнение декретов, которых у нас больше чем достаточно и которые мы печем с той торопливостью, которую изобразил Маяковский, не находит себе проверки. Этот исторический отзыв В. И. Ленина окрылил поэта.

Партия смело развертывала критику и самокритику. Остро ощущалась нужда в ярких сатирических талантах.

Где вы, бойкие задиря?
Крыть бы рогами! Взять в слезу бы!
До чего же наш сатирик
измельчал и обезумел!
Для подхода для такого
мало, што ли, кашки дрянной?
Для такого Салтыкова —
Салтыкова-Щедрина?

Маяковский пишет многочисленные стихотворные фельетоны, эссе, памфлеты, киносценарии и, наконец, сатирические пьесы «Клоп» и

«Баня». Он создает немало сатирических произведений, адресованных непосредственно молодежи. Поэт писал:

Если тебе — юномолец имя, —
имя крепки делами своими.
А если гниль подносишь вы мне,
То чорта ль в самом эвенящем измени!

Маяковский помогал идейному, нравственному, эстетическому воспитанию подрастающего поколения. Каленым словом сатиры выжигал он все, что мешало молодежи двигаться вперед. Прочтите стихи «Общее руководство для начинающих подхалим!», «Подлиза», «Служак», «Давеш изкунюю жизнь», «Маурис оравалась», «Любовь», «Письмо к любимой Молчанова...», «Фабрика мертвых душ», «Гимназист или строитель», «Бей белых и зеленых», и вы воочию убедитесь, как кровно он был заинтересован в том, чтобы молодое поколение нашей страны было духовно здоровым.

Помни ежедневно,
что ты вождий
и новых отношений
и новых любовей...

Устами фосфорической женщины — человека будущего, — выведенной в сатирической пьесе «Баня», поэт обращался к современникам:
«Будущее примет всех, у кого найдется хотя бы одна черта, роднящая с коллективом коммуны, — радость работать, жажда жертвовать, неутомимость изобретать, выгода отдавать, гордость человечностью...».

Сатира Маяковского направлена против «балласта» и «хлама», путающегося у нас в ногах. Она служит великой, прекрасной цели.

Семен ТРЕГУБ

МАЯКОВСКИЙ С НАМИ!

Н. РЕФОРМАТСКАЯ,

заместитель директора Библиотеки-музея Маяковского по научной части

Актуально, злободневно литературное наследие гениального поэта. Каждый стих Библиотеки-музея его имени, каждый экспонат — это наша жизнь. Вот выкладки по Вьетнаму из переводов произведений Маяковского. Президент общества по истории, географии и литературе Вьетнама Чанг Хю. Он рассказывает нам, что эта книга печаталась в 1972 в типографии, помещавшейся в землянке. Маяковский за много тысяч километров от своей Родины активно подымал дух отважных бойцов вьетнамского народно-освободительной армии.

Имя великого поэта начертано на знамени передовой, прогрессивной литературы мира.

Маяко Неруда как-то сказал:
«Мы, народы мира, которые тебя окружают, наша мать. Советская страна, будем защищать твой мир и твою священное строительство, будем защищать учение Ленина и Сталина, поэзию Пушкина и Маяковского».

Двести шестьдесят семь произведений поэта переведено на 31 иностранных язык. Поэма «Владимир Ильич Ленин» издана на 18 языках, «Хорошо!» — на 14 языках.

Огромны тиражи книг В. Маяковского на русском языке. До Великой Октябрьской социалистической революции — с 1913 по 1916 год — было издано только 4 250 экземпляров книг поэта, а с 1917 по 1930 год — 1 380 925 экземпляров. По сравнению с изданиями с 1931 по 1954 год составил колоссальную цифру: 13 709 961 книга!

Общий тираж произведений Маяковского в СССР превышает 23 миллиона экземпляров.

Интересно привести и такие данные: в советской периодической печати произведения поэта М. при его жизни печатались в 33 газетах: Москва и Ленинград — в 104 периодических га-

зетах, кроме того, Маяковский сотрудничал в 73 советских журналах.

Непрерывно потоком идут в Библиотеку-музей В. В. Маяковского советские люди: рабочие, колхозники, служащие, работники науки и искусства, студенты, советские воины, школьники. Около 25 тысяч человек посетили музей в течение прошлого года.

У нас побывали 97 зарубежных гостей, в том числе друзья из Вьетнама, Китая, Гвинеи, Чехословакии и других стран.

Кроме большой научной работы, значительное место в деятельности Библиотеки-музея занимает популяризация произведений поэта. Музей помогает школам и клубам устраивать методические конференции по ознакомлению с творчеством Маяковского, посылает лекторов, организует передвижные выездные выставки. Здесь также устраиваются литературные вечера и утренники для школьников. В дни недели Эролто Всесоюзного съезда писателей был устроен специальный съезд для делегатов. В гости к нам приходили Луи Арагон, Эльза Триоле, голландские писатели Франсуазка и Жюсти, многие писатели Азербайджана, Узбекистана, Грузии и других союзных республик.

Лев Козловская посылает писателям квартиру

Маяковского, потом они просмотрели кинофильм «Учительница рабочая» («Барышня и хулиган»), слушали запись голоса Маяковского.

Народный артист СССР Николай Черкасский рассказывал гостям о своей работе над образом поэта в пьесе В. Катаняна «Они знали Маяковского» и демонстрировал отрывки из своей роли.

Работники Библиотеки-музея с радостью видят, как в каждом городе все громче звучит голос поэта-трибуна, гласящего революцию.

КОГДА АПЛОДИРУЕТ ЗАЛ...

Д. ЖУРАВЛЕВ,
заслуженный артист РСФСР

Горячая любовь советских людей и кипучей, устремленной в будущее поэзии Маяковского налагает на нас, чтецов его произведений, особую ответственность. Нужно донести до зрителя всю глубину содержания его прекрасных творений, мучные воисторические образы, почмочу уловить их внутренний смысл.

Моя творческая жизнь, тесно связанная с поэзией Маяковского. Не случайно именно его произведениями был посвящен мой первый концерт в 1931 году. Я читал тогда стихи о поэтизме творчестве, о «месте поэта в рабочем строю». Это были: «Во весь голос», «Разговор с финансистом», «Юбилейная».

Затем и подготовил стихотворный мюзикл, посвященный В. И. Ленину. В него вошли отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин», стихотворение «Ленин с нами», а также стихотворение-песня «Юбилейная».

Впоследствии я включил в свой репертуар две главы из поэмы «Хорошо!», а в 1953 году закончил подготовку и впервые прочел целиком это замечательное произведение.

У слушателей стихи Маяковского пользуются неизменным успехом. Возле горячей благодарности поэту находил раз буквально захватывает язык, вылезает буря аплодисментов. Нередко стоишь на сцене и вместе со всем залом думаешь, аплодируешь поэту, его неизмеримым образом.

Но не так-то легко читать подальше поэзию Маяковского. Четверть века назад, присутствуя и

работе над произведениями Маяковского, я мучительно думал о том, как их читать. Это очень сложный вопрос, если принять во внимание, что Владимир Владимирович сам был таким чтецом, с которым не мог сравниться никто из артистов. Современники поэта помнят, как, выходя гутя и маршале брэк, разведиру широные плечи, он вступал на аудитоию, покоряя ее своей удивительно поэтической завоновнованностью, мощью и тончайшими интонациями голоса.

Сначала мне повзалоось, что нужно стараться донести до зрителя только содержание, смысл произведений. Тогда и интонационал значение раскрытия поэтического образа, не обращая должного внимания на поэтическую форму. Дальнейшая моя работа над поэзией Маяковского была направлена и овладению сочетанием содержания и формы его творчества. Я понял, что надо стремиться к максимальной простоте исполнения произведений поэта — простоте, соединенной с глубочайшим пониманием их ритмической, образной и языковой природы. Над решением этой задачи и продолжаю работать и теперь.

У нас в стране много и хорошо читают Маяковского. Это показвал последний конкурс на лучшее исполнение его произведений, проходивший в Центральном доме работников искусств. На конкурс ушел о таком выдвинулся исполнителем произведения Маяковского, как В. И. Ховатов и замечательный русский артист В. И. Качалов, хорошо читавший произведения Маяковского И. Алесков, Г. Балашов, И. Байраканская, И. Першин, Н. Голубевина. Выросла целая плеяда способных молодых исполнителей стихотворений поэта — Г. Сорочинский, М. Милославский, Я. Смоленский, А. Пономанский, Г. Гончаров, В. Тонарев и многие другие.

С каждым годом не может быть речи о непопулярности поэзии Маяковского. За двадцать пять лет, прошедших со дня его смерти, сравнительно узкий initially круг народа принимает Маяковского, превращается в широкую. С каждым днем великий поэт становится все ближе советским людям, почитнее, дороже.

«ВТОРОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ»

М. ЧЕРЕМНЫХ,
народный художник РСФСР

Хочу рассказать об «Юнас Росте» и о роли В. Маяковского в их создании. Он был душой нашего дружного коллектива. Его неиссякающий энтузиазм мы были обязаны многим.

Работе в Росте Маяковский отдался весь, забывая об отдыхе. Он рассказывал об этом периоде жизни: «Всю жизнь — отдухов не было. Работали в огромной, сводчатой морозом (использовались — выходящая глаза дымом буржуйки) мастерской Росте».

Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности шел под голову, ложась спать, плечом к стене, подушкой, с тем расчетом, что на плечо особенно не заспишь и, спав ровно столько, сколько необходимо, вскришишь работать снова...
Вне телеграфной, пулеметной быстроты — этой работы быть не могло».

Маяковский пришел в Росте вскоре после того, как мы вывесили павильон «Юнона» в большой магазинной витрине на Кузнецком мосту.

Работали мы дружно, увлеченно. В нашей огромной, павильонной кучи бумаги максималист всегда царил атмосфера бодрости и большого творческого подъема. Теперь очень трудно поверить, но мы иногда делали за ночь до 50 плакатов.

Помню, мы устраивали «бег». Из оюна мастеровой, помещавшейся на Малой Тулупине, выносили листы чистой бумаги и по сигналу одновременно начинали рисовать очерченную плакат — это быстрее. Владимир Владимирович часто одерживал победы над мной и ныне помню замечательным художником Иваном Андреевичем Малютыным.

Маяковский не только рисовал «Юнона», но и придумывал темы для явк и сам же писал тексты. По подсчетам В. Давидова за 1900 — 1905 — 450—500 принадлежат Маяковскому, или написаны 90 процентов текстов «Юнона Росте».

Все, что видел Маяковский в Росте, были познаны его работоспособностью, казавшейся прямо чудом. Это был результат огромного морального подъема, убежденности в том, что такая работа необходима для победы революции. Недаром поэт Владимир Маяковский назвал

«Юнона Росте» своим «вторым собранием сочинений».

Вначале рисовали «Юнона Росте» от руки, но очень скоро возникла необходимость организовать размножение. Делали это при помощи граффари. Неоднократно помощь нам оказал отличный граффарино-архитектор Анатолий Давидов. Мы вытиснули до 300 экземпляров каждого плаката. Во все губернские отделения Росте посылались теперь не только плакаты, но и граффари, при помощи которых размножение «Юнона» организовывалось и на местах.

В процессе совместной работы у нашего zespoла сложилось художественное коллективное выработался единый «юновский» стиль. Вроде бы в глаза удивляло приемы мы заимствовали друг у друга, заботясь не о своем индивидуальном манере, а подчиняла все отнюдь наиболее доходчивых методов выражения политической темы.

Я, например, заимствовал у Маяковского прием изображения дыма в виде спирали, как рисуют его маленькие дети. В свою очередь, мне удалось найти выразительный прием изображения разрушки: на трубе разрушенного паровоза сидела ворона. Потом все мы, рисуя разрушку, стали делать таких ворон.

Маяковский учился в Училище живописи, ваяния и водосточа и был художником плаката особого типа. Его рисунки были всегда очень яри, ланочичи и потому доходчивы. А именно это и требовалось от «Юнона», у свежих выпускников которых стояли всегда толпы людей.

Интересно отметить, что дав сатирико-реалиста открыты у Маяковского великий художник Яна Ефимовна Репина. Корнея Кузнецкого в своих воспоминаниях рассказывал, как митинг поправился шаржи Маяковского, которые были оюна показаны в Куонале. «И этот человек — ну очень талантливый — талантливый человек. Да в каждом его рисунке, в каждом штрихе — доподлинный реализм».

Славные традиции «Юнона Росте» были широко использованы в годы Великой Отечественной войны в форме «Юнона ТАСС», «Юнона Фронта», «Юнона Штрафком слова Маяковского: «И хожу, чтоб к штыку приравняли

В. Маяковский в мастерской Росте. С картины художника С. Витторова.

перо...», написал к тысячному номеру «Юнона ТАСС» такой текст:

Маяковский! Твоею воплощаю мечту,
И прага неустыжно и грозно громят,
С тех и проща, рисуяши и яриши
плакат.

Славные традиции Маяковского живут и сегодня в лучших поэтических плакатах художников, в журнальных газетных карикатурах.

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

И. ИЛИНСКИЙ,
народный артист СССР

то на Сухаревском рынке. Но в то время Сухаревку уже успели закрыть, и Маяковский тут же предложил новую реплику: «Ничего, сминный янок, остался Смысловский рынок».

Следующая моя театральная встреча с поэтом состоялась во время постановки «Юнона». Мне сначала не очень понравилась роль Присыпана, которую и получил, но, услышав пьесу в чтении Маяковского, а потом побеседовав с ним, я понял многое и нашел, как говорится, «свою линию» в роли.

Постепенно я распознавал приходу драматургии поэта — драматургии страстной, обличающей, актуальной, предназначенной для огромных народных аудиторий.

Мне, как артисту, надо было войти в роль существующего и жалкого мещанина Присыпана. И я получил от Маяковского неоценимую помощь в работе над образом. Приведу такой пример. Долго у меня не получалась сцена пробуждения Присыпана, которого размазывали через пятьдесят лет. Настоящим и терпеливо помогали мне Владимир Владимирович. Помню, лежали мы с ним на диване, и Маяковский все стадии пробуждения Присыпана: зевал, охали, стонали, ныли. Но для создания образа все еще чего-то не хватало. Неожиданно у Маяковского вывалился Фрэнк: «Ну, дайте же опохмелиться!»

Это были первые слова Присыпана после пробуждения сего. Они сразу определили его характер, дали мне отрывной толчок в работе над ролью. Я старался играть мягко, сдержанно, без сомнения. На премьерные и учебные его действия правильно. Обличительная сила образа была велика. Почти всякая реплика этого человека была, как бы, «бывающего», «извне меника» сопровождалась варьями смеха.

Маяковский неодноразово напоминал мне, что я вконец потерял большую иллюзию, самозабвение Присыпана. Особое внимание поэт обращал на финал пьесы.

В этой сцене Маяковский ошеломительно раскоблывает неприглядный облик мещанина, похищая Присыпана.

Нечего греха таить, много было разговоров о схематичности пьес Маяковского, о невосможности их сценического воплощения. Впервые опроверг этот догматический вымысел постановка сатиры, который в 1953 году осуществил театр сатиры, который в 1953 году осуществил постановку «Вани», пользующуюся немалым успехом у советского зрителя.

Все дело заключается в том, что ставить Маяковского очень трудно. Прежде всего необходимо глубоко раскрыть публицистическую заостренность драматургического текста, донести его поэтическую заповедность. Коллектив Театра сатиры с этой задачей справился.

Четверть века прошло со дня смерти великого поэта, но в памяти моей сохранился его образ. На всю жизнь запомнился первая встреча с Владимиром Владимировичем. Это было в 1917 году в «Кафе поэтов». Огромный, кичливый, полный неуемной энергии, он читал свои помы «Облако и штаны». Его манера чтения, чудесно звучащий голос, подлинная артистичность покорили аудиторию.

Помне я часто встречался с поэтом в Доме печати, где во время кратких дискуссий на литературные и театральные темы блистательно проявлялось полемическое мастерство Владимира Владимировича.

Великий поэт учил гордо любить и остро ненавидеть, никогда не оставаясь безразличным, равнодушным. Этого не терпел искусство, и этого никогда в жизни не терпел Маяковский.

И. Илинский в роли Присыпана («Юнона», 1929 г.).

Мои первые шаги и первые успехи в театре связаны с творчеством В. В. Маяковского. Начал близкому знакомству с поэтом положила работа над постановкой «Министры Буффе». Я исполнил в ней роль мещанина. Владимир Владимирович принимал самое деятельное участие в подготовке спектакля, давал много ценных указаний исполнителю, нередко на репетициях поругался, а иногда экспромтом дописывал текст.

Помню такой случай: один из персонажей по ходу действия предлагал другому продать что-

Десять лет назад был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Народной Республикой.

За эти годы польский народ, уверенно строящий социализм, добился огромных успехов. Польша превратилась в передовую индустриальную страну. Промышленное производство ее увеличилось в сравнении с довоенным временем более чем в четыре раза. В стране выросли новые заводы, электростанции, шахты. Улучшилось материальное положение польские эллитры, на крестьянских полях работают тракторы и комбайны, по дорогам страны мчатся автомобили, выпущенные польскими заводами.

Растет и крепнет сельское хозяйство народной Польши. Уже больше двухсот тысяч крестьянских хозяйств объединены в передовые производственные кооперативы.

Советский Союз помогает польским друзьям в строительстве социалистического общества. Год от года крепнет и расширяется дружба советского и польского народов. Вспомните отечественную борьбу против гитлеровских захватчиков, сдержанную историческим договором, заключенным десять лет назад.

Нине мы помещаем репортаж польского журналиста Романа Беседы со строительной площадки «Гута Варшава» — расквашенной о трудовых буднях сегодняшней Польши.

Я вижу только огромное снежное поле, изрезанное линиями подъездных путей. Над снегами высятся столбы электротрансформаторов. Тут и там виднеются небольшие здания из серого кирпича.

Но инженер Януш Ендрушак уже видит здесь совсем иные картины. Он отчетливо представляет себе как на этих зарытых канализационных трубах поднимутся сталелитейный, прокатный, кузнечный и другие цехи.

Беседуя со мной, инженер часто поглядывает в сторону кислородной станции. И это инстинкт. Дирекция металлургического завода «Гута Варшава» поручила ему шефствовать над этой станцией. Он уже подробно ознакомился с документацией и присланной из Советского Союза аппаратурой. Когда строители закончат здание и «Мостосталь» приступит к установке и сборке оборудования, инженер Ендрушак будет наблюдать за выполнением монтажных работ вплоть до сдачи объекта в эксплуатацию. Пока завод не вступит в строй, кислородная станция будет служить для нужд других промышленных предприятий Варшавы. А потом Ендрушак займется новым объектом.

МАШИНЫ И ЭНТУЗИАЗМ

Молодой инженер-энтузиаст не может удержаться, чтобы мимоходом не похлопать рукой стальную ферму мотуемого башенного крана. С восторгом говорит он о качестве изготовления и упаковки новейших советских машин. Сотни тонн оборудования ежемесячно прибывают из Советского Союза в адрес металлургического завода «Гута Варшава». С нескрываемым восхищением инженер Ендрушак показывает, как прочно упакованы присланные машины, как заблаговременно сделана каждая деталь.

Монтажем занимается заводская механическая часть инженер Владимир Крахотиль. Мы знакомимся с ним на складе, где он руководит приемкой шести мощных компрессоров. Инженер Крахотиль — молодой человек, но он считается одним из старших работников предприятия: ему довелось присутствовать при рождении завода в сотрудничестве с советскими специалистами выбирать для него место.

Инженер Крахотиль — тоже энтузиаст. Он часами может говорить о заводе, о новейшей оборудовании.

Направляясь к своему кругу из законченных зданий, мы то и

дело встречаем вырыжающиеся в мерзлую землю экскаваторы, автоколонны в грузом, штабеля строительных материалов. На огромной строительной площадке работает множество людей. Здесь можно увидеть и корейских инженеров, которые приехали ознакомиться с новыми методами строительства.

БОВЕЕ КРЕЩЕНИЕ

Ремонтно-механические мастерские завода осыпаны по последнему слову техники. Здесь стоит тридцатитонный фрезерный станок, на котором можно нарезать зубья шестерен диаметром 180 сантиметров. Кроме того, обслуживает специальный мостовой кран. Большая часть мастерских уже вступила в строй. Пока нет ремонтных работ, мастерские выдают заказы другим предприятиям.

Главный механик инженер Малец рассказывает о литейном цехе, созданном польскими инженерами на базе цеха советских специалистов. Цех этот полностью механизирован.

Ремонтно-механический цех, который будет обслуживать оборудование основных цехов, а также воздушную, воздушную и электрическую сеть, занимается сейчас сборкой изделий транспортеров для литейного цеха. Будущее модельное отделение выполняет стальные работы не только для своего комбината, но и для соседок.

Инженер Малец только в 1952 году окончил Политехнический институт. На стройке завода он стал специалистом, главным механиком. Специалистами своего дела стали и многие другие.

Богумил Зелинский из Млотины до прихода в механический цех не имел квалификации. Мастер Бранкович научил его работать на циркулярной пиле, а затем в свободные минуты — на токарном станке. Сейчас Зелинский работает токарем.

Марта Моховская — сирота, еще недавно батрачка у кулака в соседней деревне. Подруги посоветовали ей пойти на завод. Вначале она была уборщицей. Потом заинтересовалась машинами. Благодаря мастеру Бранковичу бывшая батрачка займет теперь место Зелинского у циркулярной пилы.

Зенку Марскову пятнадцать лет. Он тоже сирота. Комитет Национального фронта направил его на завод. Он трудится здесь уже пять месяцев. Юноша оказал-

ся очень способным. По вечерам он занимается в технической школе. Через полтора года Маевский будет квалифицированным рабочим.

Все эти люди за короткое время прочно сроднились с заводом.

Первая плавка будет выдана нескорю. Поэтому молодые рабочие еще смеются говорят о себе: «Мы металлурги» — но глубине души они уже считают себя и металлургами.

РОДОСЛОВНАЯ

Металлургический завод «Гута Варшава» рожден планом индустриализации нашей страны. Гитлеровские захватчики, разрушительной, автомобильной, судостроительной, электротехнической и других отраслей промышленности требовало резкого увеличения производства высококачественной прокатной стали. Так возникла идея строительства металлургического завода «Гута Варшава». Это была нелегкая задача. С ней не справились бы предприниматели и молодые инженеры промышленности. Обратился за помощью к Советскому Союзу. Уже в январе 1951 года прибыла в Польшу группа советских специалистов-проектировщиков. Это были люди с большим опытом, приобретенным на строительстве Магнитогорского, Кузнецкого, Запорожского. Это были люди, которые проектировали комбинат имени В. И. Ленина в Новой Гуте.

Начали с выбора места. Оно должно было отвечать многим требованиям: иметь близость источников электроэнергии, находиться вблизи от водных, железнодорожных и шоссеиных коммуникаций и располагать промышленными тилами. Но самый основной фактор — это вода. Для производства одной тонны высококачественной стали требуется пятнадцать—двадцать тонн воды. После того, как было изучено несколько районов, выбор пал на варшавские Млотины. Советские проектировщики, возглавляемые инженером Иваном Еремком, принялись за работу.

В конце 1951 года инженеры металлургического завода «Гута Варшава» выехали в Москву. Вернулись они с предварительным проектом. Этот проект рассматривался и утверждался в Варшаве. После этого «Гипрозем» приступил к разработке поаробной документации.

Завод поддерживает постоянную связь с «Гипроземом» и Министерством черной металлургии

СССР по всем вопросам, касающимся технической документации, доставки машин и оборудования. Наши специалисты ездят в Москву для обсуждения технических проблем, часто бываю на передовых металлургических предприятиях Советского Союза. Советские специалисты наблюдают за осуществлением своих планов, помогают советскими, интересующимися пожеланиями хозяев завода. Инженер Еремко, *который десять лет тому назад принимал активное участие в освобождении Варшавы, с радостью говорит о том, что наша столица в небывало короткий срок поднялась из развалин и стала прекрасной.

Хорошая родня у завода! Рожден он содружеством советской черной металлургии и польской тяжелой промышленности. Старшие сестры «Гуты Варшавы» — это Магнитка, Запорожская и Новая Гута.

ЗАВОД И ГОРОД

Из окна кабинета главного директора металлургического завода «Гута Варшава» видны строительная площадка и здания уже готовых цехов. Директор Януш Ерич показывает мне любовно выложенный альбом с фотографиями. В нем отражены все этапы строительства.

Альбом открывается фотографией, изображающей песчаную пустыню, кое-где поросшую кустками травы. Потрясает поселком первые энергетических линий, подводящих ток к бурным стаякам геологов-разведчиков, первой деревянной будки, первых бараков. Заканчивается альбом фотографиями сегодняшнего дня.

План строительства завода тесно связан с планами развития города. Если взглянуть налево от строительной площадки, увидим широкое снежное поле. На краю его сияют жилые дома Белян, над ними возмывает светлый контур Дворца культуры и науки. От самых Белян до заводской территории тянется улица металлургов. Одна из варшавских улиц дойдет до главных ворот завода. Неподолеу поднимутся здания самоуправления и большого учебного центра кузнечных цехов. Вдоль этой улицы, от Белян Варшава движется в сторону завода. На надвислящих песках столицы встретится с новой стройкой жилищной индустрии.

Составление альбомов о польского М. ИГНАТОВА.

Большое строительство идет в народно-демократической Польше. Вступают в строй новые предприятия тяжелой индустрии, ширится сеть электростанций. На снимке в справа — одна из крупнейших электростанций страны, «Явожно-II».

На этой вкладке мы помещаем фотографии молодых труженников польской столицы, втятые из альбома «Один день в Варшаве».

В шесть часов в Варшаве начинается рабочий день. Вот приступает к работе молодая металлист.

Девушка улыбается: сегодняшний день принесет ей новые успехи в труде.

Надел свою спецовку мастер подземных работ.

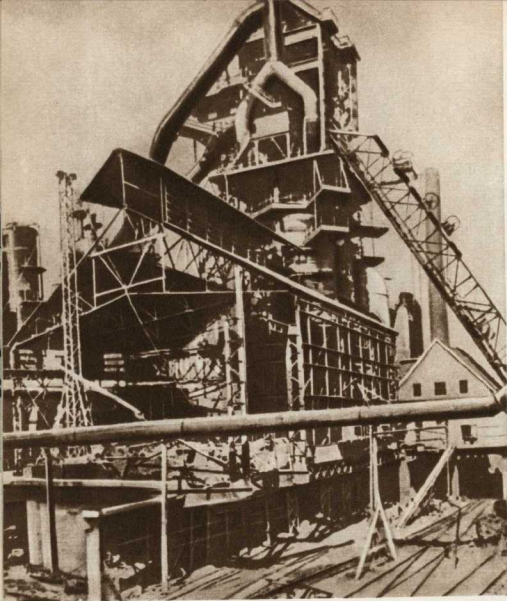
Варшава, зверски разрушенная гитлеровцами, возрождается из руин, становится еще краше. Воздвигаются новые микрорайоны, восстанавливаются архитектурные памятники, вырастают здания театров, больниц, клубов. Высоко в небо вознесся Дворец культуры и науки — дар советского народа трудящимся Польши.

Пришел в мастерскую молодой архитектор. Он один из тех, кто проектирует светлые, солнечные здания новой Варшавы.

Поднялся на леса строитель. Отсюда, с большой высоты, ему открывается широкая панорама стройки.

С каждым годом растет промышленная мощь Венгерской Народной Республики. На с и м к е — крупнейшая в стране Дюшьерская доменная, построенная с помощью советских специалистов.

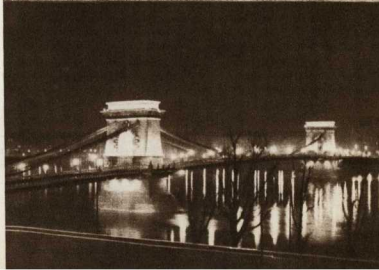
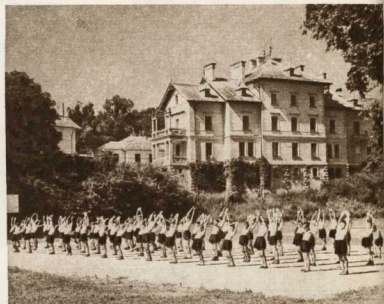
Народная власть создала для трудящихся огромную сеть клубов, библиотек, санаториев, читален, кинотеатров, пионерских лагерей. Венгерские трудящиеся и их дети получили все условия для отдыха. На с и м к е: утренний заряд в одном из пионерских лагерей Северной Венгрии.

Сельское хозяйство получает все больше отечественной и советской техники. В Венгрии выросли новые наряды сельских механизаторов. На с и м к е: трактористка Пирошкя Ланоты — первоклассница соревнования венгерских трактористов.

Будапешт — один из живописнейших городов Европы. После освобождения он не только восстановлен, но стал еще красивее. В городе построены новые дома, мосты, дворцы культуры. На с и м к е: знаменитый цепной мост над Дунаем.

Десять лет назад советские воины освободили Венгрию от гитлеровских захватчиков. С тех пор венгерский народ ежегодно отмечает День освобождения, который стал истинным национальным праздником. Высоко над Будапештом на горе Геллерт стоит фигура женщины, поднявшей над собой пальмовую ветвь. Это памятник Свободе. На его пьедестале начертаны слова: «Освободителям — советским воинам от благодарного венгерского народа».

ДЕТСТВО

Ференц КОМОРНИК

Несколько недель тому назад жители небольшого венгерского городка Кошонара преподнесли подарки десятилетиям ребятишкам.

Почему именно им, десятилетиям? Да потому, что они родились в то время, когда советские солдаты уже освободили нашу Венгрию; потому, что они с самого начала своей жизни были гражданами нового мира, первыми представителями свободного народа. Их детство совпало со временем рождения новой Венгрии.

...Тогда я был еще мальчиком, и многого происходившего я не понимал. Но уже хорошо знал, что нельзя вылезать из темного, набитого людьми бункера, потому что наверху разались бомбы. Знал я и то, что бесцельно прость у матери еды: у нас не было ни крошки хлеба.

Однажды на рассвете, ускакивая от материнского надзора, я вылез из бункера и, крадучись, вышел за ворота. В предрассветном тумане среди руин домов я увидел мелькавшие фигуры солдат и услышал незнакому язык.

Я кинулся обратно в бункер:

— Русские пришли!

Одна из женщин вскрикнула. В углу небритый мужчина сказал низким голосом:

— Наконеч!

Этого человека я встретил на другой день с красной повязкой на руке.

Утром один русский солдат, спустившийся в бункер, с трудом объяснил нам, что если мы поможем повзвезти тещку к нашим воротам, то нам раздадут хлеб. Помогать кинулись все. И действительно, вскоре нам раздали хлеб.

Варские, окружив моего отца, попросили его: Дядя Коморник, вы были в русской плену, знаете ли у нас, поблагодарите за хлеб.

Отец смущенно подошел к солдату и тихо проормотал:

— Спасибо!

Это слово было первым словом на русском языке, которое я узнал.

...Шли годы. Действительность, окружавшая меня и моих сверстников, менялась чудесно. На нашей улице Илалотх на месте руин выросли большие светлые дома, гораздо красивее прежних. Разрушенные мосты через Дунай были восстановлены, но кроме них появился и новый, самый большой мост — имени Кошута, соединивший Буду и Пешт. Для пионеров у горы Чилебери был построен специальный город с летской железной дорогой. Я сам работал кондуктором на этой дороге.

Буду значит, как и вся страна, хорошо на глазах. Все перемены в нашей жизни так или иначе связаны с советскими людьми. Это они помогали строить мост Кошута, восстанавливать заводы Челеба. Советскими машинами была оснащена новая текстильная комбинат в Сегеде. Синие московские троллейбусы побежали по улицам Будапешта.

Из газет и сообщений радио мы узнавали, что в стране построены новые заводы, фабрики, посёлки, дворцы культуры, школы, больницы. В деревнях появились первые сельскохозяйственные кооперативы. Но в Венгрии не хватало своей стали, чугуна, железа. И тогда волею маленькой деревушки на берегу Дуная стал расти огромный металлургический комбинат — Сталинварош.

По призыву Союза трудящиеся молодежи на стройку пришли молодые рабочие, крестьяне, студенты.

Старшеклассники из нашей гимназии тоже решили в дни канкул поехать туда. Поезд быстро домчал нас до места.

Спровожающий нас человек пояснил: — Здесь будет большой университет, и откроется для главного улица города.

Мы замеселись. Не потому, что не поверили, а потому, что слишком резко был контраст между мечтой и действительностью.

Вскоре нас разместили в бараке и мы начали работать на стройке. Работать было трудно, но нам приятно было то, что мы постоянно чувствовали помощь советских друзей. По дорогам пробирались строивки с маркой «ЗИС», над лесами возвышались советские подмешные краны.

Мы были очень благодарны за эту помощь и старались работать так, чтобы не ударить лицом в грязь перед своими друзьями.

Однажды в поздний час, когда мы уже вернулись домой после работы, нас вдруг снова вызвали на строительную площадку. Нужно было срочно забетонировать один участок. Двадцать шестнадцатилетних ребят, с рук которых еще не сошли следы чернил, принялись за работу.

Во время пятиминутных перерывов мы болочили со сном, курили крепкие папиросы и все время кашляли — то ли от дыма, то ли от пыли, которая плотно обволакивала все стройку. — Дядя, дай, работай! К утру надо управиться! — то и дело слышалось в темноте. Вдруг погас свет — и сразу остановились машины. Наступила гнетущая тишина.

— Что случилось?

Мы бросились к пульту. Но там все было в порядке.

— Провод обрзан!

Позже выяснилось, что это дело рук врагителей.

Ожидая, пока пришедший монтер соединит провода, мы долго гонялись о создавшемся положении, вспоминали о строящемся Комсомольска-на-Амуре — многие из нас читали о них и знали, что им приходилось куда труднее. Это придавало нам силы, и мы еще энергичнее брлись за работу.

Начало светать. Рассвет наступал медленно, как будто солнышко было трудно выгнать темноту из-под строительных лесов. Когда совсем посветлело, строители, работавшие на лесам, увидели результаты нашей работы — здание мы выполняли, весь участок забетонировали.

Сегодня Сталинварош, в строительстве которого мы и принимали участие, — гордость и краса новой Венгрии.

И вот мы уже превратились в девятнадцатилетних. Все восторженно сообщением о назначении. После беспрепятных дождей воды Дуная угрожающе разлились по равнине.

Тысячи людей без устали строили дамбы и насыпи, преграждая путь воде. Но не всегда удавалось задерживать разливы. В одной из деревень был такой случай.

...Жители проснулись, когда волны уже подмыливали стены домов. Вода нагрянула ночью, вода затопила деревню, уровень ее поднимался с каждой минутой. Перепуганные наводнением жители забегали на крыши. И вдруг появилась лодка, словетно плывшая по воде. В лодке сидели солдаты. Они спасали людей и их имущество.

В воздухе стоял гул голосов, слышались крики:

— Бабушка, посмотрите за Маршикой!

— Отец! Мы оставили в доме кофейную мельницу!

— Да оставь ты со своей мельницей...

— А когда вся семья была уже вне опасности, один солдат привез даже забытую кофейную мельницу. Бабушка, немного успокоившись, сказала ему:

— Бог награждает вас за все, сын мой!

Солдат непонимающе смотрел на нее.

— Он не знает по-венгерски, — заключил один мальчишка, — ведь он советский солдат.

В дни наводнения венгерские газеты искали о советском военнослужащем Григорьеве. В 1945 году он принимал участие в освобождении одной из венгерских деревень, а теперь он опять спасал жителей этой деревни — на этот раз от наводнения.

По полю, недалеко от городка Надькёрбень, бродили две девочки со своим учителем. Время от времени девочка бросалась вперед, поднимала пшеничные колосья.

— Может, хвятил на сегодня? — спросила учитель, заметив усталость девочек.

Девочки уныленно соглашались.

— Но ведь это правда, что Дунай разлился? Урожай погиб, а всем очень нужен хлеб...

Девочки работали, пока зашло солнце. Это были ученицы третьего класса, пионерки — Ната Дорца и Шира Домани. Они родились в том знаменательном 1945 году.

...Когда эти пионерки появились на свет, мне было только десять лет. О мире я знал еще мало. Но помню очень много. В тот год, когда в подвале впервые были произнесены слова: «Русские пришли!», — зима пролетела быстро, и солнце стало нашим постоянным гостем. Мы стояли на улице, потемневшем весеннем снегу смотрели, как возвращаются на родину ласточки и аисты...

Чарли спешит на свидание. Он подарит бедной девушке этот цветок — единственное, что он может ей подарить.

(«Отныне большого города»)

Сынившись от холода, Чарли сидит в заброшенной хижине... («Золотые легионеры»)

Чарли Чаплин рассказывает смешную историю. Его лицо то оживает улыбка, то становится задумчивым. Он мастер выразительной мимики и жестов.

В ГОСТЯХ У ЧАПЛИНА

К. А. АББАС

Между индийскими кинороботниками, гостившими в Сталинграде, и известным советским режиссером однажды возник интересный профессиональный разговор. Он затянулся далеко за полночь. Говорили о реализме и романтизме, о преимуществе и недостатках цветной кинематографии, о будущем телевидения и стереокино.

Во время беседы один из участников предложил проводить ежегодно творческие совещания кинорежиссеров всех стран — постановщиков фильмов и режиссеров, сценаристов и операторов, — обсуждать в дружеской атмосфере все вопросы, волнующие людей этой профессии. Предложение было встречено с энтузиазмом.

— Но интересно знать, кто был бы самыми подходящими председателями такого совещания? — скорее подумал вслух, чем спросил кто-то из нас.

Но едва были произнесены эти слова, как все воскликнули хором:

— Конечно, Чаплин! Единственное мнение деятелей индийского и советского киноискусства, что Чарли Чаплин, бесспорно, является величайшей личностью в мировой кинематографии, и уверен, в равной мере разделяют кинороботники всего земного шара.

Если бы при таких же обстоятельствах, как в Сталинграде, возник подобный вопрос в Лондоне, Риме, Праге, Токио, Пекине или в любом другом городе, на него ответили бы с таким же энтузиазмом:

— Конечно, Чаплин! Единственно возможным исключением мог, пожалуй, быть Голливуд, запуганный комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Но даже и там при тайном голосовании председателем был бы избран человек, имя которого страшило заправил этой комиссии, людей, которые преследовали, а затем изгнали из Америки самого выдающегося артиста американской кинематографии.

На протяжении четырех десятилетий Чаплин — самый популярный киноартист. Он не только любимец миллионов зрителей, но и кумир всех кинороботников. И не удивительно поэтому, что члены

индийской киноделегации, направленной в Москву, выразили желание сделать остановку в Женеве специально для того, чтобы увидеть великого эмалевяного человека.

Встретиться с Чарли Чаплином — это все равно, что впервые увидеть египетские пирамиды или индийскую границу Тадж Махал при лунном свете. Чаплин достиг такой вершины славы, что его имя стало почти легендарным.

Когда очень сильно жаждешь что-то увидеть, например, пирамиды или Тадж Махал, рискуешь разочароваться, разглядывая достопримечательности в непосредственной близости. Столько све-

Чарли сидит на полу. Окружающая обстановка еще больше подчеркивает его одиночество.

(«Час пополуночи»)

тил экрана закончило свою стремительную карьеру в виде «падающей звезды», что меня, признаться, тревожило сомнине, не разочарует ли нас встреча с Чаплиным, которую мы ждали с таким большим нетерпением. Не ожидался ли и он Цезарем, набитый описками, потухшим звуком или, что еще хуже, почившим на лаврах «великим человеком», полным самодовольства и

Где бы ни появился Чаплин, его бурно атаковали любители автографов. В английском порту ему даже пришлось однажды вместо стола воспользоваться спиной довера.

нарочитой снисходительности и протестом смертным?

Впервые я увидел «Чарли» тридцать четыре года тому назад в передвижном кинотеатре моего родного городка Панипата, когда мне едва исполнилось пять лет. В те дни движущиеся волшебные картины были еще новинкой и назывались биоскопом. В последний раз мне довелось увидеть Чаплина на экране сравнительно недавно — в фильме «Мисс Верду». Я просмотрел все картины, сделанные Чаплиным, и читал почти все, что было о нем написано. И все же, когда он посетил нас навстречу, чтобы приветствовать нас на пороге своего дома в мавританском стиле Менуар де Баль (в пятидесяти милях от Женевы), вид его чем-то удивил меня.

Всем известно, что он уже на молод, и, конечно, нельзя было ожидать увидеть его в знаменитых мешковатых брюках бродяги и в продавленном котелке. Тем не менее потребовалось какое-то время, чтобы поверить в то, что этот низенький, коренастый, совершенно седой человек в добротной английской твидовой спортивной куртке и серых фланелевых брюках был действительно Чаплин.

Если его внешний вид немного разочаровывал, то его рукопожатие совершенно успокаивало. Мне кажется, в какой-то степени характер человека можно определять по его рукопожатию — почувствовать, искренний человек перед вами или лицемер, великодушный или мелочный, бьется в нем горячее сердце или тает

холодная кровь. Рукопожатие Чаплина было твердым и теплым, и то, как он держал вашу руку, заставляло чувствовать, что вы можете вполне полагаться на этого человека. Казалось, рукопожатие в точности передавало то, что он говорил нам в эту минуту: «Я так счастлив, так счастлив, что вы приехали ко мне!» И мы всем сердцем понимали, что это не просто вежливое приветствие, а что он действительно счастлив видеть вас.

Мы провели у Чаплина более трех часов. Ему, видимо, доставляло удовольствие беседовать с нами, и разговор затнулся бы до ночи, если бы не торопливые корреспонденты, ожидавшие нас в Женеве.

Чаплин показал нам свой просторный дом, обставленный с большим вкусом, без показной роскоши; повел нас осматривать сад, раскинувшийся на холме. Широкие лужайки спускались вниз по склону, на котором росли величественные сосны. Указывая на одну из них, он сказал:

— А ведь построить такие деревья не так-то просто. Мать-природа потратила сотни лет, чтобы вырастить их. Даже за миллион долла-

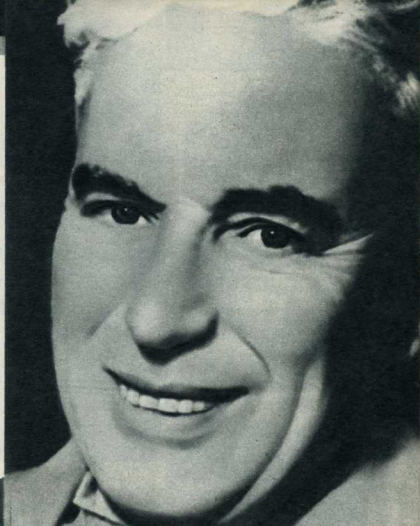

Кадр из фильма «Диктатор». Чаплин в роли парикмахера. В кресле — артистка Полеетта Годдард.

ров не сделаешь ни единого дерева.

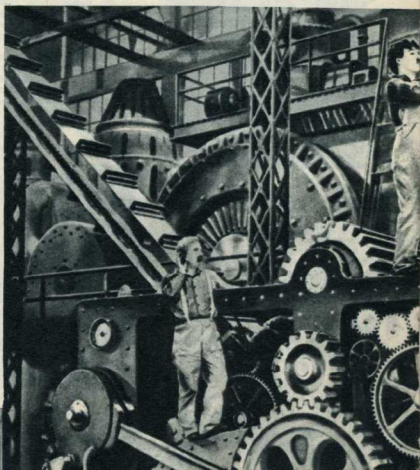
В этом старце, которого мир знает только как комика, оказывается, живет еще и философ.

Неужели я назвал его старцем? Когда мы сидели на веранде, любящих лужайками, озаренными золотым сиянием заходящего солнца, никто из нас не заметил ни малейшего признака старости в его живом, гибком уме. Наоборот, Чаплин поразил нас своим необыкновенным талантом блестящего собеседника. Он говорил горячо, с юношеским пылом. В его словах и в помыслах не было того ядовитого цинизма, который так любит напускать на себя многие утомленные интеллигенты и артисты на закате дней своих. Чаплин говорил с нами о многом: о проблемах мира и свободы, о долге прогрессивных артистов, о своих новых фильмах, о намерении поехать в Индию, Китай и Советский Союз.

Чарли Чаплин без грима.

В фильме «Новые времена» Чаплин создал яркий, запоминающийся образ «маленького человека», ставшего жертвой безжалостной капиталистической эксплуатации.

Чаплин в роли Вердугу.
Сцена ареста.
(«Мсье Вердугу»)

Было ясно, что после сорока лет творческой работы и непревзойденных успехов Чаплин не оглядывается назад, а смотрит вперед. Смотрит с уверенностью и надеждой, с верой в себя и в людей.

От создателя таких фильмов, как «Золотая лихорадка», «Огни большого города», «Новые времена», «Диктатор», «Мсье Вердугу» и «Огни рампы», можно ожидать еще много нового и интересного.

Всем нам хотелось узнать, о чем будет новый фильм Чаплина. Мы спросили его об этом, и то, что он нам рассказал, возможно, заинтересует миллионы поклонников его таланта во всех уголках земли.

— Это будет не серьезный фильм, а комедия, — сказал он.

Чаплин в роли старого актёра в фильме «Огни рампы».

Мы работаем сейчас над сценарием.

Вспомнив, что в последних двух фильмах — «Мсье Вердугу» и «Огни рампы» — Чаплин изменил своему знаменитому котелку и меховым брюкам, я спросил его:

— Увидим ли мы вас снова в знаковой роли Бродяжки?
— Боюсь, что нет, — ответил Чаплин. Он задумался, а затем заговорил медленно, как бы раз-

мышляя вслух: — Но, пожалуй, у меня будут те же уши. Ведь правда, у королей обычно бывают уши!

— У королей? Вы хотите сказать...
— Да, я думаю, что на сей раз сыграю роль короля.

Это было для нас так ново, что прозвучало как сенсация.

— А можете ли вы нам сказать, что будет делать этот король? В глазах Чаплина снова появилась озорная блеск, он стал весело потирать руки, предвкушая, возможно, удовольствие, которое он получит, работая над новым фильмом.

— Ну, представьте себе, этот самый король едет в Америку.

— Очевидно, это будет сатирой! — решился кто-то спросить.
— Вы можете, конечно, назвать этот фильм сатирой. Я обещаю вам, что как только король приедет в Соединенные Штаты, с нами произойдет множество забавных происшествий.

Каждый, кто знает о курьезном превращении американцев перед блеском и снобизмом, окружающим королевскую знать, легко может себе представить, сколько смеха вызовет новый фильм Чаплина, когда он появится на экране. Чаплин и раньше высмеивал некоторые стороны американского образа жизни в фильмах «Золотая лихорадка», «Огни большого города» и «Новые времена», но есть все основания надеяться, что в задуманном им новом фильме сатира будет еще острее. Инквизиторы из комиссии по расследованию антиамериканской деятельности скоро убедятся (как, впрочем, пришлось в свое время убедиться Гитлеру, когда в Берлине были сброшены на парашюте копии с киноленты («Диктатор»), что огромный комедийный талант Чаплина может быть более опасным, чем шпионы из федерального бюро расследования, конгрессменами-мракобесы и даже атомные бомбы.

Неизбежно разговор коснулся сегодняшней Америки.

В Америке есть штаты, где и сейчас ранние фильмы Чаплина запрещены показывать. Можно подумать, что смех тоже считается антиамериканским явлением и изгнан из страны «самого господина богатых». Но когда Чаплин говорил о том, как ему пришлось уехать из Америки, в его словах не было злобы.

— Я желаю, что потерял в Америке сорок лет своей жизни. Нет, — тут же поправился он, — я хотел сказать, что зря потерял эти годы. В конце концов мною сделано очень много. У меня было немало друзей, помогавших мне. Но мне хочется сказать, что если бы я знал, что мне придется когда-нибудь покинуть Америку, я бы обосновался в какой-либо другой стране. Может

быть, и у себя на родине, — добавил он грустно.

Чаплин, который малочужбано продавал газеты на улицах Лондона, не позавидовал свое старое отечество.

У Чаплина есть еще одна примечательная черта — речь его никогда не бывает догматична. Он говорит так, как будто думает вслух. Высказывая разные мысли, он анализирует, как бы испытывает их, и нередко тут же некоторые отвергает. Ему также свойственно великодушие, присущее истинно большим людям.

— Я не коммунист, — говорил он, возвращаясь в обстоятельства, при которых ему пришлось покинуть Америку. — Я совершенно не занимаюсь политикой. Но они хотели, чтобы я ненавидел коммунизма. Все дело в том, что я не могу ненавидеть коммунизма. Почему я должен его ненавидеть? Как знать, может быть, коммунизма в состоянии разрешить многие проблемы в мире! В конце концов в Советском Союзе сделано много замечательного.

Потом речь зашла о тек называвшейся американской индустриализации.

— Америка, — сказал Чаплин, — является самым ужасающим примером «сверхиндустриализации». О, эта мания скоростей! — воскликнул он, выразительно жестулируя. — Эта безумная страсть строить небоскребы, это сумасшедшее желание достичь неизвестно куда. Небоскреб Нью-Йорка — символ бездушной цивилизации американского капитализма. Это не жилища человека, а пчелиные соты, где миллионы пчел сидят туда и обратно, занятые механической работой: собирающим медом или дояркам.

Я поинтересовался, как Чаплин оценивает современное положение в Америке: растущую нетер-

Чаплин Чаплин с сыном Сиднеем на берегу Мичиганского озера.

плимость по отношению к свободной мысли, преследование прогрессивных деятелей и особенно упадок культуры, примером чего может служить Голливуд, который в последнее время ставит фильмы, посвященные исключительно проблемам пола и прелюбности.

После некоторого раздумья Чаплин ответил: — Я думаю, что это какой-то навоз. Среди людей имеющих классов, распрояржающихся экономической и политической жизнью Америки, чувство пресыщения — частое явление. У них слишком много всего, и потому они ищут острых ощущений. В большинстве фильмов Голливуда показана не нормальная любовь, здоровых молодых людей, а сексуальные переживания пресыщенного жизнью бизнесмена.

Всегда на Америку, высказанные Чаплином, напомнили некоторым из нас фильм «Новые времена» — блестящую сатиру на американский капитализм с его помешательством на скорости и бездушной механизации.

Чаплин, между прочим, сказал нам, что идею фильма «Новые времена» подсказал ему молодой репортер, сообщивший как-то о механическом конвейере, введенном на автомобильных заводах Форда, и об огромном финансовом и умственном напряжении людей, работающих на этом конвейере. Рассказ репортера произвел на Чаплина такое большое впечатление, что он решил позвать Форда и его завод. Чаплин вочию увидел всю порочность «сверхспециализации» и «сверхмеханизации, превращающих рабочего в бессмысленную машину, что особенно характерно для капиталистической промышленности.

Чаплин добавлял, что в фильме «Новые времена» он хотел осудить превращение людей в авто-

маты, в зубцы какой-то чудовищной машины, в существ, лишённые инициативы и чувства человеческого достоинства.

— Мой дед был сапожником, — сказал Чаплин, явно гордясь своим пролетарским происхождением. — Он делал башмаки. Очень хорошие башмаки, — могу вас заверить. Дед гордился, когда ему удавалось сшить хорошую пару. Сознание того, что он сделал что-то стоящее, вызвало у него чувство удовлетворения. Рабочий, превращённый на заводе Форда в придаток машины, никогда не узнает этого чувства. Пусть мой дед был простым сапожником, но у него было человеческое достоинство...

Когда мы собрались уходить, Чаплин выразил надежду, что когда-нибудь увидит всех нас в Индии, что ему давно уже хочется посетить нашу страну, которую он всегда уважал за её мудрость и культуру.

А узнав, что через несколько часов мы вылетаем в Москву, он воскликнул: — Какие вы счастливые! Замечательные дела творятся в Советском Союзе. Я видел советские фильмы. Они замечательны!

Затем Чаплин сказал нам, что его тоже приглашают посетить Советский Союз и что он непременно воспользуется этим приглашением, как только закончит новый фильм.

Нам было приятно, что мы застали Чаплина в добром здравии и что возраст не притупил ни его блестящего остроумия, ни общественного сознания.

Радостно было видеть, что он находится в рядах сторонников мира и прогресса, что он полон творческой энергии, думает о будущем, трудится и что его труд, как всегда, посвящен служению человеку.

Перевела
Л. МОРОШКИНА.

Чаплин и Бастер Китон в фильме «Гини рамы».

Рис. А. Ливанова.

ЛИ НАН-ЛИ

ДИКОВИННАЯ РЕПА

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Старые люди рассказывают, что когда-то у подножья горы Цзиньфосань жил одинокий бедный старик, которого звали Хэ Мин-фа. Он заботливо возделывал маленький огород и этим перебивался. Питался Хэ Мин-фа главным образом репой, которой было больше всего в его огороде. Жив старик сносно и ни на что не жаловался.

Все было хорошо, если бы не его сосед-помещик по фамилии Лю. Как-то раз он умышленно загнал своих овец в огород старика Хэ, и те начисто съели все всходы репы. Вслед за овцами помещик выпустил свиней, которые, перевернув весь огород, сожрали молодые корешки.

Огорченный и возмущенный бродил старик Хэ по разоренному огороду. Вдруг у самого угла своей изгороди он заметил нежный росток. Росток был так мал, что ни овцы, ни свиньи не заметили его.

Старик Хэ начал заботливо ухаживать за этим ростком. Он ежедневно поливал его и время от времени унаваживал землю. Репя быстро росла, и ее зеленые листья вскоре стали такими же огромными, как листья банана. Земля вокруг репы покрывалась трещинами и поднималась бугром.

Настало время вытаскивать репу, но старик Хэ все не решался, надеясь, что она вырастет еще больше. Уже по утрам землю покрывал иней, потом стал выпадать снег, а репа все еще была в земле.

Наконец старик сирея сердце

решил выкопать свою единственную репу. Он вырыл вокруг нее яму в несколько чи глубиной и, разбросав землю, увидел репу во всей ее красе. Вот эта репа! Она оказалась величиной с добрый стол, за которым уселся бы десять человек. По форме репа напоминала молочный жернов. Одному ни за что на свете не сдвинуть ее с места!

Слухи о диковинной репе, которую вырастил Хэ Мин-фа, распространились далеко вокруг и дошли до самого господина уездного начальника. Начальник решил, что эта репа является счастливым предзнаменованием для его величества императора. Усевшись в большой паланкин, который несли шестнадцать носильщиков, он собственной персоной отправился к старнику Хэ. Старик Хэ никогда не мог подумать, что в его грязную, поуразвавшуюся лачугу пожалует такое почтенное лицо, и не знал, как лучше принять гостя. Однако господину уездному начальнику было не до почестей. Он сразу же приступил к делу:

— Старик! Говорят, ты вырастил диковинную репу. Ну-ка покажи ее мне! Ведь это сулит большое счастье нашему императору и является счастливым предзнаменованием.

— Репя! — Старик Хэ никак не мог понять, почему уездный начальник так интересуется репой и даже упоминает при этом имя императора.

1 Чжэ — китайский фут, равен 0,32 метра.

ператора — Да, у меня есть одна большая репа, господин, поймайте, я покажу ее. — И Старый Хэ повел гостя в огород.

— Необычайно! Необычайно! — восторжались уздечный начальник.

— Необычайно! Необычайно! — восклицали в один голос большие и маленькие чиновники, сопровождавшие его.

— Необычайно! Необычайно! — услышав торжественные слова Лю, который пришел сюда, чтобы просить господина уздечного начальника почтить своим присутствием и его дом.

— Ты должен... — начал уздечный начальник, но не договорив до конца, уселся на единственную в хижине низкую лавку: очевидно, он очень устал, пока стоял. Его короткая, запыленная жемчужной фигурой прерратилась в шар, стала похожей на репу. Важно кашлянув, он продолжал: — Ты должен принести эту драгоценность в дар императору!

Старый Хэ, ничего не понимая, молчал.

— Уважаемый Хэ! — затараторил помещик Лю, снова вмешавшись в разговор. — Господин советует тебе подарить эту репу императору. Пришло твое счастье! — И в голосе помещика Лю слышались нотки зависти.

— Подарить императору? — прозвучало, наконец, старый Хэ. — А что я есть буду!

— Услышав ответ старика, все чиновники разразились громким хохотом.

— И ты еще думаешь о еде! — заметил один из них. — Император отблагодарит тебя, и ты будешь обеспечен до конца жизни!

Однако Хэ Мин-фа ни за что не хотел отдавать репу. Упрямство старика разгневало уздечного начальника.

— Да как ты смеешь, ты, темная деревенщина, обладать этой драгоценностью, пожалованной небом! — закричал он. — Немедленно отдай репу в дар императору, а иначе пеняй на себя!

И старику ничего не оставалось, как только отдать репу в дар императору.

Император необычайно обрадовался, узнав, что к нему из далеких мест пришел в подарком простой крестьянин. Важно усевшись на трон, император велел внести драгоценность в зал. Он ожидал, что ему преподнесут какую-нибудь удивительную драгоценность, а когда приволокли простую репу, разочаровался. Но, прочитав послание начальника уезда, в котором подробно сообщалось, что благодаря священной прозорливости императора и его мудрому управлению страной небо ниспослало счастливое предзнаменование — крестьянин Хэ Мин-фа вырастил огромную репу и, не осмеливаясь воспользоваться ею всем, приносит ее в дар императору, — смилостивился и приказал щедро наградить Хэ Мин-фа, а начальника уезда посылать на один ранг.

Хэ Мин-фа не рассчитывал, что император наградит его, и поэтому очень обрадовался, узнав о подарке. Но радость длилась недолго. Увидев подаренные ему императором принудительные изделия из швыри, кораллы и жемчужины, он разочаровался. Что проку в этих безделушках! Есть их нельзя. Продать тоже нельзя, так как это подарки императора. Взглянув старик на свою огромную и вкусную репу, которую в этот момент слуги перетаскивали

во внутреннюю покои дворца, и у него от досады защемило сердце. Но делать было ничего. Старик отнесил поклон и, поблагодарив императора за высочайшую милость, отправился восвояси.

Как только Хэ Мин-фа возвратился домой, к нему сразу сбегались соседи, чтобы разузнать о том, каков император и что он подарил старнику.

— Разве все эти безделушки можно сравнить с моей репой! — говорил им старый Хэ. — Зачем они мне?

У помещика Лю, взглянувшего на драгоценности, от зависти разгорелись глаза. Слушая старика, он про себя обзывал его дураком, но отнять у старого Хэ подарки императора все же не решился.

Когда все разошлись, старый Хэ отправился в огород и стал снова сажать репу. А помещик Лю, возвратясь домой, все думал о подарках императора. Если Хэ Мин-фа послал в дар императору простую репу и был так щедро вознагражден им, рассуждал помещик, то он, Лю, подарив императору что-нибудь получше и подороже, сможет получить еще большую награду. Целыми днями

жидный Лю строил планы и даже занялся от дум.

Была у помещика шестнадцатилетняя дочь, умная, сообразительная и красивая девушка. Старый помещик и его жена души в ней не чаяли и лелеяли, словно жемчужину.

— Папа! Что у тебя на душе? — как-то раз спросила дочь, видя, что отец тоскует и день ото дня все больше чахнет.

— Тебе этого не понять, — удрученно сказал он и, поджав голову, взглянул на дочь.

С тех пор, как им овладела мысль об императорских подарках, он не обращал на нее внимания, но в этот момент вдруг увидел, что дочь прекрасна, как весенний цветок. У него мгновенно сорвался язык и он громко закричал:

— Нашел! Нашел!

Дочь и спросить не успела, что именно нашел отец — так стремительно он выбежал из комнаты. Немало денег пришлось истратить помещику Лю, чтобы добиться встречи с бывшим начальником уезда, который теперь управлял областью. Помещик сказал начальнику, что у него есть прекрасная дочь, которую он хочет

принести в дар императору. Услышав это, начальник возликовал: он никогда еще не собирался представить, что в его области окажется людина, столь любящая императора. Однако боясь, что дочь помещика может оказаться дурной, он уселся в парадный кабинет и начал шестнадцатилетнюю дочь, и отправился посмотреть на нее.

Помещик Лю с ног сбился, желая угодить начальнику области. Он заказал тридцать саней и родила двадцать корзин монет слугам высочайшего гостя.

Начальник области остался очень доволен дочерью помещика. Он даже решил сыграть и ни за что не соглашался стать наложником императора. Несмотря на это, ее обрядили в богатые одежды и отправили в столицу.

Когда же император, что с подарком прибыл еще один человек, он не проявил такой радости, как в первый раз, и заподозрил, что у него за бездельную олята хотят заманить драгоценности и добиться его, императорского, расположения.

Император приказал вести помещику Лю. Когда тот вошел, он строго спросил:

— Ну, какую вещь ты дарил мне?

— О, ваше величество! — воскликнул помещик Лю. — Это не вещь, это моя собственная дочь, которая будет служить вам, ваше величество!

Увидев дочь помещика Лю, император пришел в восторг. Во внутреннем покоях дворца жили несколько сотен прекрасных девушек, но императору все было мало.

— Я щедро одарю тебя! — воскликнул император.

Обрадованный помещик стал усильно отнекиваться поклонно.

Император спросил помещика, как он живет, и узнав, что Лю очень богат, воскликнул:

— Я подарю тебе самую драгоценную вещь! Эй, люди!

Приблизивая к его зов слуги с поклонами выстроились перед ним.

— Сейчас же принесите сюда ту большую репу, которую мне недавно преподнес старик-крестьянин! Я подарю ее этому человеку.

Помещик Лю только тогда понял, что произошло, когда перед его глазами оказалась дикинская репа.

Император вместе с девушкой удалился в покои, а помещику Лю оставалось лишь отправиться с репой домой.

Так за дочь он получил простую репу. Помещик не отважился ни выбросить ее, ни съесть. Освободив для репы целый зал, он стал поклоняться ей, как своим предкам или духам.

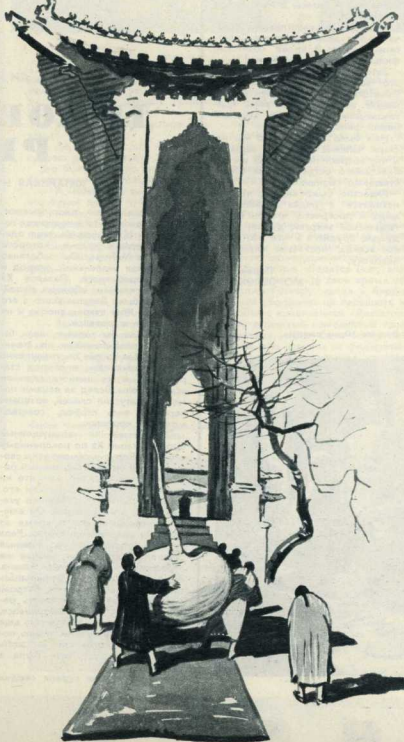
Но время шло, и репа в конце концов сгнила.

Старик Хэ кропотливо возделывал свой огород и попрежнему выращивал главным образом репу. Однако ему больше не удалось вырастить такую большую репу, какую он подарил императору. Говорят, что старый Хэ узнал, что его репа без толку сгнила у помещика Лю, в сердцах сказал:

— Вот уж мне эти императоры и помещики! Только и знают добро переводить!

Перевод с японского

Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ
и М. ШНЕЙДЕР.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

Фельетон

Рисунки Е. Гурова.

Сейчас в Западной Германии идет вербовка в армию (вермахт). Однако проходит она не так быстро, как этого хотелось бы бюрократическим реалистам: значительная часть западногерманской молодежи не желает в угоду Уолл-стрит упереться в пушечное мясо.

Несмотря на то, что мы имеем в распоряжении Бюро (под этим именем скрывается военное ведомство) задумало привлечь к делу специальных агитаторов, которые на собранных молодежи призывают бы юношей к вступлению в вермахт. Что из этого иногда получается, о том и говорится в нашем рассказе.

Господин Фридрих Книшке чувствует себя одним из самых счастливейших людей под западногерманским небом, на котором рядом с оккупационными звездами с американского флага услужливо мерцает адензуровская звездочка, сделанная из фальшивого золота.

Господин Книшке носит как в будни, так и по праздникам рыжие уски, черные краги и красное лоды, которое только в минуты полного солнечного знобления можно назвать интеллигентным.

Кроме всего этого, он старается иметь военную выправку и густой шаг, так как служит в таком звании, которое не называется военным ведомством, потому что является военным ведомством.

Ему, господину Книшке, доверили большое дело: вербовать искусных агитаторов, которые, в свою очередь (и тоже за плату), должны вербовать молодежь в ряды вермахта.

С самого раннего утра ему пошло. Он успел прийти в качестве агитатора бывшего эсэсовца. Чудный субъект, но с изъясним: никак не может вспомнить, где он потерял правый глаз — под Киевом или под Минском. А вспомнить об этом не может потому, что ему память отшибло еще под Курском. Но это не мешает ему цитировать наизусть изречения Гитлера.

Кроме того, господин Книшке завербовал одного развитого парня, вполне здорового, который только и говорит о реванше, о походе на Восток, о будущих трофеях.

Дела идут прекрасно! В приемной дожидаются бывший солдат, которого Книшке сегодня вызвал по телефону. Кажется, подождавши довольно — пусть на собранных делается с молодежью своими впечатлениями и воспоминаниями о войне с русскими. Времена такие, что на молодежь надо тратить много слов — уж очень невнимательна она к разговорам о вермахте.

— Введите сюда этого... как его... Ганса Баумштока.

В кабинет входит Ганс Баумшток, маленький человек лет тридцати семилет. Когда кончались официальные перемены, между чиновником Книшке и бывшим солдатом Баумштоком завязалась оживленная беседа.

— Ты, значит, воевал в России?

Где именно? Сделай беглый обзор событий.

— Вот именно — самый беглый обзор. Сначала, ваша милость, мы бежали из-под Ростова, затем опять бежали...

— Не бежали, Баумшток, а выривались вперед.

— Так точно, выривались. Я уже забыл, ваша милость, как надо говорить. Сейчас опять вспомнил. Так вот, сначала моя часть по указанию нашего мудрого командования выравнивала фронт под Ростовом, затем по указанию нашего мудрого командования мы еле унесли ноги, выривая фронт под Харьковом...

— Хватит! Об этом не надо. Скажи, Баумшток, ты хорошо помнишь войну?

— Прекрасно помню, ваша милость! Забыть никак невозможно. Вот именно! Молодец! Будешь делиться на собраниях своими воспоминаниями. Надеюсь, они глубоко засели в твоей памяти.

— В памяти? Этого, ваша милость, не скажу, бо милова. Они действительно глубоко засели, но не в памяти, а горлозо ниже — в ляжках: одно воспоминание в правой, другое в левой. Они неплохо стреляют, русские.

— Отставать! Меня это не интересует. Что ты вынес из Советского Союза? Какие впечатления? — Впечатления? Ничего такого я оттуда не выношу. Но могу сказать, ваша милость, что я вынес оттуда дожигу золотых часов и семь отрезов на костюмы. А впечатлений не выдал.

— Все это не то. Все это не надо рассказывать.

— А что надо?

— Вот вспомни какой-нибудь интересный военный эпизод, рисующий мужество и отвагу гитлеровских солдат и офицеров.

— Слушался, ваша милость. Командиром нашей роты был барон Вильгельм-Отто-Иоганн-Густав фон Шмутценгаузе. Он был еще

более длинный, чем его имя. Господин барон имел большой живот, похожий на самовоз, из свиной кожи, в котором хранились пищевые продукты Франции, Голландии, Бельгии, Норвегии, Греции. В России господин барон по случаю такого выравнивания фронта начал терять в весе, свиной самовоз сократился в объеме, а к тому еще его сильно дожимала мигрень. Но господин барон был храбрый офицер, как и подобало быть офицеру фюрера. Он на Украине смело бросался на поросат, на гусей и на уток и начал понемногу поправляться. Все же не хватало ему еще полных десяти кило. Однако, ваша милость, имеем честь вам доложить, что он получил эти десять кило.

— Интересно. Поросятина помогла?

— Нет, курятина. На краю огорога украинского села господин барон увидел жареную курочку. Он, как храбрый офицер, ринулся за ней. Она, подлая тварь, закудала и, не понимая своего счастья, убежала во двор. Но отважный барон, потомок саксонских рыпа-

рей, не жалея сил, кинулся ловить птицу. Еще одна минута, и он очутился бы в его доблестных руках. Барут на сараях высочина крестьян. В руках у него была птица. Эту птицу он с размаху опустил на голову господина барона. Глянь была весом в десять кило. Это как раз те десять кило, которых не хватало господину барону. Злобно и мигрень как рукой сплыло.

— Послушай, Баумшток. Ты много разговариваешь. Это отчасти хорошо: на тебе получишь оратор. Но ты болтаешь о таких делах... Вот ты был на Украине. Расскажи-ка лучше о тамошних зверствах.

— Слушался, ваша милость.

Сейчас расскажу.

— Ты это рассказывай с гневом, с возмущением.

— Обязательство. В одно украинское село натравили эсэсовские части. Эти бандиты сожгли все хаты, а людей...

— Стой! Как ты смеешь?

— Вы же приказали, чтоб с возмущением...

— Послушай, ты, видимо, большая тупица. Ты начинаешь меня раздражать. Скажи вот, украинцы с русскими живут мирно или спорят?

— Ох, как спорят! Сам слышал.

— Ну, русскими, рассказай.

— Одна русская в разговоре с украинцем обозвал начальника гестапо паршивой свиной. И вот тут-то украинец встал на дыбы: «Не смеешь оскорблять свиной!» Большая ссора вышла.

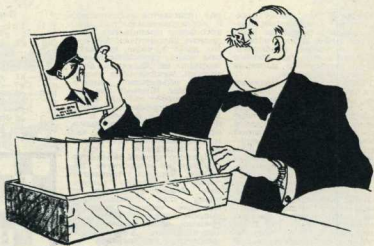
— Замолчи! Скажи, ты знаешь, что такое реванш, что за люди — реваншисты?

— Человек я не очень грамотный. Но мне кажется, что реваншист — это такой тип, который, слонохват себе по морде, захотел доваки.

— Молчать! Вон отсюда! Вон, дурак!

Ганс Баумшток не заставил себя упрямиться и вышел на улицу. Там его дождалась жена. Она с трепетом взглянула на мужа. Ганс подмигнул ей:

— Все в порядке, Марта. Он меня считает дураком...

СЛОВО
МАЯКОВСКОГО
СЕГОДНЯ

И на горизонте,
Где Америка,
Небо кроет,
Сплошная чернотища
Выметалась икрою.

(«Пятый Интернационал»)

Война, империализма дочь,
призраком над миром витает.
Назад, дредноуты! Прочь
руки от Китая! — Прочь

(«Прочь руки от Китая!»)

Видели Атлантический?
— Тут не до смеха...
Команда явится, —
устала команда.
Шепчутся:
«Чорту
ввязались в попутчики...»

(«Христофор Колумб»)

Цена номера
2 руб.

